

ФОРМИРОВАНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

РЕГИОНАЛЬНЫЕ И ОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ

ISSN 2075 - 9851

**РЕГИОНАЛЬНЫЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ**

Научный журнал по экономике

№ 1 (36)

2024

Региональный экономический журнал
Научный журнал по экономике
№ 1 (36)
2024

Издается с 2011 года
Выходит 2 раза в год

Ответственный за выпуск – и.о. главного редактора, Э.Ф. Назмиев, канд. экон. наук, доцент Набережночелнинского института Казанского (Приволжского) федерального университета, ведущий научный сотрудник Республиканского научно-исследовательского института интеллектуальной собственности (РНИИИС).

Редакционная коллегия:

Бикмуллин А.Л., д-р экон. наук, профессор, президент Академии информатизации РТ;

Газизуллин Н.Ф., д-р экон. наук, профессор, главный редактор журнала «Проблемы современной экономики»;

Губанов С.С., д-р экон. наук, профессор, главный редактор журнала «Экономист»;

Жунусов Б.А., канд. экон. наук, профессор Актюбинского регионального государственного университета имени К. Жубанова, Казахстан;

Клейнер Г.Б., д-р экон. наук, профессор, член-корреспондент РАН, зам. директора по научной работе ЦЭМИ РАН;

Косторниченко В.Н., д-р экон. наук, профессор, главный редактор журнала «Управление собственностью: теория и практика»;

Лопатин В.Н., д-р юрид. наук, профессор, директор Республиканского научно-исследовательского института интеллектуальной собственности (РНИИИС);

Макаров А.Н., д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой экономики Казанского филиала Российского государственного университета правосудия;

Полишков Ю.Н., д-р экон. наук, доцент, заведующий кафедрой математики и математических методов в экономике Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Донецкий национальный университет» (г. Донецк, Донецкая Народная Республика, Россия);

Пороховский А.А., д-р экон. наук, профессор, научный консультант кафедры политической экономии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова;

Сильвестров С.Н., д-р экон. наук, профессор, заслуженный экономист России, действительный государственный советник второго класса, директор Института экономической политики и проблем экономической безопасности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;

Тодосийчук А.В., д-р экон. наук, профессор, главный научный сотрудник Центра научно-информационных исследований по науке, образованию и технологиям ИНИОН РАН;

Хубиев К.А., д-р экон. наук, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова;

Чекмарев В.В., д-р экон. наук, профессор кафедры экономики Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова;

Шайхелисламов Р.Ф., д-р экон. наук, профессор, директор Приволжского межрегионального центра повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования КФУ;

Юсупов К.Н., д-р экон. наук, профессор Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета;

Хоменко В.В., д-р экон. наук, профессор, вице-президент АН РТ.

Зарегистрирован: Федеральная служба по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ №ФС77-33445 от 08 октября 2008

Учредитель: Казанский (Приволжский) федеральный университет

Зарегистрирован в РИНЦ

Адрес редакции:

483812, Республика Татарстан, г. Набережные Челны,

пр. Сююмбике, д. 10а,

Набережночелнинский институт Казанского (Приволжского) федерального университета.

Тел/факс (8552) 39-66-12.

E-mail:regioneconom@yandex.ru.© Казанский (Приволжский) федеральный университет

СОДЕРЖАНИЕ

ФОРМИРОВАНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ	5
<i>Хубиев К. А., Батчаев М. Х.-К., Айдинова Д. Х.-М.</i> Источники и стимулы экономического развития России	5
<i>Макаров А. Н.</i> О системном подходе к экономической реализации Земельной собственности в контексте угроз и вызовов	17
<i>Тодосийчук А. В.</i> Формирование и реализация государственной политики в области научно-технологического развития.....	35
<i>Назмиев Э. Ф.</i> Экономический солидаризм: подходы к формированию механизма функционирования.....	45
РЕГИОНАЛЬНЫЕ И ОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ	51
<i>Шакибаев М. К., Балгинова К. М.</i> Вопросы развития городских агломераций: опыт Республики Татарстан и Казахстана	51
<i>Попова А. Г.</i> Особенности становления мирового и отечественного рынка ком- примированного природного газа в качестве моторного топлива	59
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ	69
<i>Имамутдинова С. М.</i> Влияние цифровизации на роль человека в современной экономике	69
<i>Степанова О. А.</i> Формализация инструментария оценки интенсивности влия- ния цифровизации на эффективность деятельности компаний.....	76
АННОТАЦИИ.....	80

CONTENT

FORMATION AND IMPLEMENTATION OF THE STATE ECONOMIC POLICY	5
Khubiev K. A., Batchaev M. K.-K., Aidinova D. K.-M. Economic development of Russia in modern conditions.....	5
Makarov A. N. On the systemic approach to the economic implementation of land ownership in the context of threats and challenges	17
Todosiychuk A. V. Formation and implementation of the state policy in the field of scientific and technological development.....	35
Nazmiev E. F. Economic solidarity: approaches to the formation of the mechanism of functioning.....	45
REGIONAL AND SECTORAL ASPECTS OF ECONOMIC DEVELOPMENT	51
Balginova K. M., Shakibayev M. K. Issues of urban agglomerations development: the experience of the Republic of Tatarstan and Kazakhstan.....	51
Popova A.G. Features of the formation of the world and domestic market for compressed natural gas as motor fuel.....	59
SOCIO-ECONOMIC ASPECTS OF DIGITALIZATION	69
Imamutdinova S. M. The impact of digitalization on the human role in the modern economy.....	69
Stepanova O. A. Formalization of tools for assessing the intensity of the impact of digitalization on the efficiency of companies.....	76
ANNOTATIONS	80

ФОРМИРОВАНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

УДК 338.2: 332.1: 330.4

Khubiev K. A.,
Doctor of Economics, Professor M.V.
Lomonosov Moscow State University, Moscow

Хубиев К. А.,
доктор экономических наук, профессор
МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва

Batchaev M. Kh.-K.,
Candidate of Economic Sciences, associate pro-
fessor U. D. Aliev Karachai-Cherkess State
University, Karachaevsk

Батчаев М. Х-К.,
кандидат экономических наук, доцент
Карачаево-Черкесский государственный
университет им. У.Д. Алиева, Карачаевск

Aidinova D. Kh.-M.,
Candidate of Economic Sciences, associate pro-
fessor U. D. Aliev Karachai-Cherkess State
University, Karachaevsk

Айдинова Д. Х-М.,
кандидат экономических наук, доцент
Карачаево-Черкесский государственный
университет им. У.Д. Алиева, Карачаевск

ИСТОЧНИКИ И СТИМУЛЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Аннотация. Сквозной темой статьи является экономический рост на основе внутренних источников. На основе системного подхода рассмотрен комплекс источников роста от фундаментального, охватывающего перераспределение ресурсов на конкурентной основе до инструментов фискальной и монетарной политики. Особое внимание уделяется анализу источников и динамике капитальных вложений как ключевого фактора роста экономики, и эффективности денежно-кредитной и бюджетно-налоговой политики как основных инструментов экономической политики. Отмечается необходимость перехода к новой модели экономического роста, основанной на стратегии опоры на внутренние источники, в которой технологическому прорыву, энергетической и продовольственной безопасности, в также импортозамещению в ключевых отраслях экономики должно быть уделено повышенное внимание.

Ключевые слова: ВВП, инвестиционный конкурс, электронификация, экономическая политика, факторы роста, инвестиции, денежно-кредитная политика, бюджетно-налоговая политика.

Введение. Социально-экономическая динамика России в последние годы характеризуется противоречивыми трендами. С одной стороны, экономика России находится в стагнационном режиме более двенадцати лет: средние темпы прироста ВВП за этот период составляют около 1%, что более чем в три раза ниже среднемировых показателей. Это явилось основой отставания в области

высоких технологий, сохранения глубоких межрегиональных диспропорций и высокого уровня социально-экономического неравенства среди населения. Коэффициент Джини, по данным ООН составил: в Словакии 23,2, Чехии – 26,2, Индии – 34,2, Финляндии – 27,1, Китае – 37,1, Сербии – 25,0. В России он снизился с 41,2 в 2019 г. до 36,0 в 2021 г. [14]. Несмотря на некоторое снижение, он все

еще показывает высокую степень поляризации населения России, чреватого опасными последствиями в области социальных отношений.

С другой стороны, РФ стала одним из центров трансформационных процессов мирового геополитэкономического пространства, обладая энергоресурсами мирового значения, являясь одним из лидеров в области космических технологий, производства вооружений, атомной энергетики и др.

Экономическое развитие России существенно отстает от ее роли в мировой экономике. Это противоречие ищет и будет так или иначе находить свое разрешение. Диалектическое разрешение этого противоречия означает ее воспроизводство на новом уровне, но не означает ее устранение. Современная экономика России обременена последствиями коронакризиса, обострения мирового соперничества за ресурсы и рынки, продолжением СВО. Все более отчетливые формы принимает конфликт цивилизационного уровня, где России противостоит коалиция развитых стран мира. Выжить в этой ситуации можно только победив в этом глобальном противостоянии. А для этого требуется задействовать все источники экономического роста. Этому посвящена суть данной работы. Среди внутренних источников роста мы выделяем стратегические, краткосрочные, долгосрочные. Большое внимание будет уделено стимулирующему потенциалу, конкретным мерам и инструментам текущей экономической политики.

В краткосрочном периоде на конкурентных условиях следует соединить ресурсы: сырьевые, инфраструктурные, имущественные с человеческим потенциалом предпринимательства самого высокого качества. Без перераспреде-

ления ресурсов здесь не обойтись, поскольку прежние владельцы в течение трех десятилетий более чем убедительно доказали неэффективность их использования кратным отставанием экономики России от средних темпов мирового экономического роста. Но перераспределение ресурсов охватывает очень острую и чувствительную область общественных отношений – отношения собственности. Поэтому оно должно быть осуществлено на основе принципов конкурентности, экономической эффективности и справедливости. Организационно эти принципы могут быть осуществлены путём объявления вовлечённых в предпринимательство значимых ресурсов, инфраструктуры и имущества, включая ранее приватизированные предприятия, в объекты открытых инвестиционных конкурсов. Они должны попасть во владение самых эффективных предпринимателей, которые доказали свою состоятельность за последние десятилетия создав успешные проекты без какого-либо участия в разграблении государственных ресурсов и имущества под названием «приватизация». Если инвестиционные конкурсы будут проиграны прежними владельцами, им возвращаются средства потраченные при приватизации с учетом накопленных инвестиций и амортизации.

Таким образом, исключительно на конкурентных, то есть рыночных условиях ресурсы, имущество и инфраструктура перейдут в эффективное использование и превратятся в мощный внутренний источник роста. Причем добиться этого можно в краткосрочном периоде. В долгосрочном периоде следует провести электронизацию всей российской экономики подобно довоенной индустриализации. Но напряженное текущее время требует начать со срочного созда-

ния внутренних источников роста. Они приобретают значение жизненной важности для российской государственности и ее народов.

Названные стратегические цели роста и развития необходимо осуществлять в рамках реально действующей правительственной политики, которая тоже должна перейти в режим наиболее эффективного функционирования. И здесь тоже разворачивается сложный комплекс проблем, один из вариантов рассмотрения которых включает в себя системный анализ ресурсов современной России и анализ бюджетно-налоговой и денежно-кредитной политики.

1. Системный анализ ресурсов современной России.

Он включает исследование:

– объема и структуры национального богатства страны, включая природные ресурсы, человеческий капитал, производственные фонды и институциональные изменения в экономической системе;

– динамики основных экономических показателей и инвестиций с количественной, качественной и структурной точек зрения.

Объем и структура национального богатства

В структуре национального богатства страны природным ресурсам принадлежит ведущее место. Согласно данным МВФ, чистая стоимость природных ресурсов России в 2023 г. составила 75,7 трлн долл. США; по этому показателю страна занимает первое место в мире. На втором месте находятся США (45,3 трлн долл.), на третьем – Саудовская Аравия с объемом в 34,4 трлн долл. [17]. В России сосредоточено более 25% мировых запасов природного газа, 14% нефти, 17% угля, 32% железных руд, значительная часть запасов цветных, редких и драгоценных металлов [17]. Лесом в

стране покрыта территория, составляющая 22% от мировой «лесной» поверхности.

Почти половину всего совокупного богатства России составляет человеческий капитал – 46%. Это относительно высокий показатель для сырьевой державы, но значительно меньше среднего показателя развитых стран, где этот показатель приближается к отметке в 80%.

И, поэтому закономерно, что большое внимание в последнее время уделяется развитию человеческого капитала (ресурса), поскольку он становится основной движущей силой современного общества. Расходы на образование, подготовку кадров, здравоохранение и другие социальные цели оказывают как прямое, так и косвенное влияние на производительность, повышая качество общественного труда. Соответственно, вложения в «человеческий капитал», как подчеркивается в Послании Президента РФ Федеральному собранию от 29.02.2024 г, должны рассматриваться и дальше как приоритетные в наших государственных программах развития [2].

Индекс человеческого развития в России в 2021 г. составил 0,822. Страна занимает 51-е место среди 189 государств мира и остается в верхней группе стран со средним уровнем человеческого развития.

Основные фонды, столь необходимые для ускоренного роста экономики страны, изношены в среднем на 40,5 % (2022 г.), при этом степень изношенности основных фондов в обрабатывающей промышленности превысила 52%, строительстве – 50%, добыче полезных ископаемых – 60% [3, с. 321]. В таких условиях, когда физический износ основных фондов превышает 2/5 их совокупной величины, нет материальной основы для существенного роста и очевидной становится необходимость инве-

стиционного прорыва.

Институциональные преобразования в России в начале 1990-х годов начались с либерализации цен, плюрализма форм собственности в стране, и на этой основе появления новых предприятий различных организационно-правовых форм. Большое число государственных промышленных, торговых и сельскохозяйственных предприятий было приватизировано и/или преобразовано в акционерные общества различного типа. Интенсивно происходило становление многоукладной рыночно ориентированной экономики; быстрыми темпами зарождались коммерческие банки, кооперативные кредитные учреждения (то есть становление современной двухуровневой банковской системы) и другие финансовые институты рыночного типа. Стал практиковаться лизинг оборудования и техники, были подготовлены к функционированию товарные и фондовые биржи. В сфере реформирования налогообложения изначальными шагами были отмена старых, неэффективных налогов (налог на оборот) и внедрение принципиально новых, таких как налог на добавленную стоимость (НДС), единый социальный налог (ЕСН). Завершающим этапом стало формирование бюджетно-налогового федерализма и принятие Налогового кодекса РФ.

Однако, как ни парадоксально, вопреки ожиданиям и надеждам эти институциональные изменения привели не к росту, а к спаду производства в основных отраслях экономики с катастрофическими последствиями. По спаду производства Россия превзошла США периода Великой депрессии; ВВП в 1998 г. составил, по разным оценкам от 42 до 50% от уровня 1990 г. Инвестиции сократились на 80%, население – более чем на 10 млн человек [9]. Главным ре-

зультатом провала российской экономики 90-х – 00-х годов, по нашему мнению, «...является потеря исторического времени, которая выразилась в глубоком технологическом отставании» [10, с.9].

Динамика основных экономических показателей

Раскрытие структурных особенностей экономики России требует более детальной характеристики выпуска по отдельным отраслям в динамике, в ряде случаев – в натуральных показателях. Динамика промышленного производства в России и его основных отраслей (добыча полезных ископаемых, обрабатывающее производство, производство и распределение электроэнергии, газа и воды) дает нам яркую характеристику типичного сырьевого развития страны. За период с 1993 по 2022 годы практически только добыча полезных ископаемых показала положительный рост, перешагнула отметку в 100%.

Наиболее глубокий спад испытало обрабатывающее производство, в меньшей степени пострадала отрасль добычи полезных ископаемых. Указанная отрасль дала и наибольший прирост, выйдя к 2022 г. на уровень 130% по сравнению с 1992 г. В том же году наша страна по объему добычи нефти (535 млн т) и природного газа (676 млрд куб. м) вышла на 2-е место в мире.

Обрабатывающее производство демонстрировало более скромные результаты, выйдя в 2022 г. на показатель 105%. При этом динамика различных его отраслей характеризовалась противоречивыми трендами. Так, с начала 2000-х годов довольно быстрыми темпами росло производство резиновых и пластмассовых изделий. В 2021 г. объем производства в этой отрасли превысил уровень 1992 г. в 2,75 раза. Ускоренными темпами развивалось производство

электрооборудования, электронного и оптического оборудования, однако кризис 2009 г. существенно повлиял на дальнейшие темпы развития этой отрасли, в результате объем выпуска в ней снизился. Еще одной отраслью, вышедшей на траекторию устойчивого роста, и успешно преодолевшей кризис 2009 г., стала химическая промышленность; объем производства отрасли в 2021 г. превысил уровень 1992 г. более чем в 1,6 раза [12].

Вместе с тем следует отметить крайне низкие темпы роста важнейших отраслей обрабатывающей промышленности – производства машин и оборудования. Эти отрасли являются наиболее высокотехнологическими, поэтому здесь наблюдались скачки как длительного, так и краткосрочного характера. Например, в 2022 г. объем производства в указанной отрасли составил только 94% от уровня 1992 г. Еще одна отрасль, так и не восстановившаяся после трансформационного кризиса – это легкая промышленность (текстильное и швейное производство).

Противоречивое развитие имело место и в сельскохозяйственной сфере. Изначально падение производства в этой отрасли было связано с системными факторами: трансформацией отношений собственности на селе, изменением институциональной структуры экономики, выстраиванием новых хозяйственных связей между деревней и городом. Но с начала 2000-х годов происходит постепенное восстановление отрасли, ускорившееся после 2014 г. В этой связи можно отметить положительное влияние санкций – и ответных контрсанкций – на зерновую отрасль; сегодня Россия является одним из основных поставщиков зерна на мировой рынок, сбор которого составил 157,6 млн т в 2022 г. [4, с. 49].

В сфере животноводства ситуация

оказалась гораздо драматичней. Так, численность крупного рогатого скота сократилась с 60,5 млн голов в 1986 г. до 28,5 млн голов в 1998 г., и далее до 17,5 млн голов в 2022 г. Поголовье свиней снизилось с 40 млн голов в 1989 г. до 13,7 млн голов в 2004г., после чего начался медленный рост, и в 2022 г. поголовье свиней уже составило 27,6 млн голов. Такая же тенденция была характерна для поголовья овец и коз. Их численность снизилась с 66,3 млн голов в 1983 г. до 14,8 млн голов в 1999 г., затем начался медленный рост, и в 2022 г. поголовье овец и коз составило 21,0 млн голов [4, с. 60].

Таким образом, на основе проведенного выше анализа можно отметить, что экономическая система России деформирована в своей основе и требует фундаментальных изменений. Системное реформирование требует охвата всех уровней системы: от эффективного соединения личного, вещественного, инфраструктурного факторов на уровне отношений собственности, до существенных изменений в экономической политике.

Объем, динамика и источники инвестиций

Все направления экономической науки отводят инвестициям ключевую роль в развитии национальной экономики и ее составных частей. Российская экономика ощущает острую нехватку внутренних сбережений, как источника инвестиций для обновления и расширения основного капитала, столь необходимого для ускоренного роста.

Динамика инвестиций в экономику страны в последние годы характеризуется небольшим, хотя и явно недостаточным ростом, что является не характерным в условиях кризиса (падение российской экономики в 2022 г. составило 2,2%). Так, темп прироста инвестиций в

основной капитал в 2022 г. по сравнению с 2021 г. составил 4,6% и превысил 27,9 трлн руб. в абсолютном выражении [3]. В 2022 г. доля инвестиций в основной капитал в ВВП в процентном отношении составила, по нашим расчетам, 18,2%. По этому показателю Россия уступает Чили (25,4%), Словакии (23,3), Казахстану (24,1), что выглядит не столь уж катастрофическим [16].

Анализ инвестиций с точки зрения источников формирования в первую очередь предполагает анализ динамики и объема амортизационных отчислений, являющихся важнейшим источником финансирования капитальных вложений. В развитых странах мира они до 80% покрывают потребности предприятий в инвестициях, и обеспечивают не только простое, но и в определенной степени расширенное воспроизводство. В России этот показатель значительно ниже и составляет чуть более 50%, при этом основная часть амортизационных отчислений утекает в различные офшоры. Так, по оценкам Н. Арефьева, депутата нижней палаты парламента, с января 1997 г. по февраль 2021 г. было вывезено законным путем в различные офшоры 851 млрд долл. (63 трлн рублей), незаконным путем – 782 млрд долл., или 57 трлн рублей [12]. В этой связи необходимо, во-первых, поставить заслон этому явлению; во-вторых, существенно повысить эффективность амортизационной политики как на государственном уровне, так и на уровне предприятий, путем оптимизации налогообложения и с целью ускорения массового обновления основного капитала.

Российское правительство должно способствовать усилению инвестиционной активности коммерческих банков и других кредитных учреждений долгосрочного характера. Хотя по сравнению

с прошлым годом существенно укрепилась их капитальная база, увеличились объемы кредитов как юридическим (17,1%), так и физическим лицам (12,9%), объемы «длинных» кредитных денег, необходимых для реализации крупных инвестиционных проектов национального и регионального масштабов, явно недостаточны (всего лишь 6,9% от общего объема кредитов).

В этих условиях необходимо провести институциональные преобразования в кредитной сфере. Должны быть созданы и эффективно функционировать кредитно-банковские институты долгосрочного кредита, дающие возможность заемщикам привлекать инвестиционные кредиты для финансирования капиталоемких отраслей, играющих ключевую роль в развитии национальной экономики. Для этих целей можно было бы учредить, например, Банк промышленного развития России (по типу Банка промышленного развития Японии), Национальный банк развития сельского хозяйства и сельских регионов (по типу индийского Национального банка развития сельского хозяйства и сельских территорий) и других институтов, которые занимались бы исключительно предоставлением долгосрочных кредитов приоритетным отраслям экономики. Такие операции требуют специальных приемов и знаний, которыми будут владеть эти институты. Источниками формирования финансовых ресурсов этих учреждений могут быть в основном собственные. Но нельзя исключать, особенно в долгосрочном периоде, и привлеченные средства, включая зарубежные, в том числе в форме долгосрочных облигаций, таких как GDR (Global Depositary Receipts – Глобальные депозитарные расписки), эмитируемые под гарантии Мирового банка, и размещаемые на мировых фон-

довых биржах, а также бюджетные ассигнования.

Правительству России нужно также активнее использовать налоговые рычаги стимулирования инвестиций. Предпринимательскому сектору (особенно в сфере промышленного производства) спектр льгот, предоставляемых в виде «налоговых каникул» и др., должен дополниться применением скидок на развитие пилотных производств, поощрением проектов регионального развития и т.д. В целом льготный налоговый режим в сочетании с другими формами экономического стимулирования содействует росту инвестиций в национальную экономику. Государство, недополучающее средства из-за льгот и скидок, может выиграть в перспективе от расширения налоговой базы, после того как предприятия выйдут на нормальный режим работы и увеличат выпуск продукции.

В таких странах, как Индия и Китай, немалая часть государственных средств выделяется экономике в форме капиталовложений и сопутствующих им затрат (в пятилетних планах они фигурируют в строке «расходы на развитие»). Методологически эти расходы можно разделить на три группы: 1) ассигнования, идущие непосредственно на поддержку «реального» сектора и институтов, осуществляющих содействие экономическому развитию; 2) финансирование специальных проектов и программ, имеющих не только экономическую, но и социальную направленность; 3) вложения в объекты производственной инфраструктуры и ирригацию, прямо или косвенно стимулирующие развитие экономики.

В России тоже было бы целесообразным составление бюджета капиталовложений, что явилось бы дополнительным источником для финансирования ключевых инвестиционных проектов. Источником бюджета капиталовложе-

ний могли бы стать внутренние и внешние займы долгосрочного характера, а также превышения доходов текущего бюджета над расходами. Важно, однако, при этом не попасть в инвестиционную «ловушку», т.е. не допустить не только методологических ошибок, но и практических деформаций. Примером может служить практика СССР, где даже в 1960-1970-е годы, не говоря уже о периоде довоенной индустриализации, соотношение между текущим бюджетом и бюджетом капиталовложений составляло 40:60 (!). Массированные инвестиции в капиталоемкие объекты транспортно-дорожной, нефтегазовой и электроэнергетической инфраструктуры, строительство металлургических заводов и других крупных предприятий способствовали внушительному дисбалансу отраслей и привели к серьезным сбоям в развитии экономики.

Важным источником инвестиционных ресурсов могут стать также прибыли предприятий, остающиеся в их распоряжении после уплаты налогов и других отчислений. Так, во многих западных странах используется практика освобождения от налогов той части прибыли, которая идет на инвестиционные цели. Как правило, она составляет 25% от общего объема прибыли, и служит дополнительным источником для вложений в различные инвестиционные проекты. Такой опыт, как нам представляется, вполне мог бы использоваться и в российской практике (кстати, практиковавшийся у нас в конце 90-х – начале 2000-х годов) с поднятием этой планки до 30-35%.

2. Бюджетно-налоговая и денежно-кредитная политика. Говоря о бюджетно-налоговой и кредитно-денежной политике следует отметить, что российскому государству удавалось, вплоть до недавнего времени, используя

бюджетные механизмы и денежно-кредитные инструменты, поддерживать спрос в экономике, обеспечивая, таким образом, работой предприятия и компании, и не допуская при этом раскрутки цен. Но, к сожалению, в последнее время мы наблюдаем рост цен и усиление инфляции, что отрицательно сказывается как на доходах физических лиц, так и на инвестиционных потребностях предприятий. В этих условиях денежно-кредитная и бюджетно-налоговая политика должны быть органически встроены и сочетаться с инвестиционной, внешнеэкономической и, особенно, ценовой политикой. В основу ценовой политики, как мы считаем, должно быть положено государственное регулирование, контроль и даже «заморозка» цен на ключевые товары инвестиционно-производственного и продовольственного назначения на определенный срок (например, на 1 год), как это делалось и делается во многих странах в кризисные периоды.

Необходимо продолжить реформы в области налогообложения, и в первую очередь, ввести прогрессивную шкалу подоходного налогообложения с установлением пяти (вместо двух) ставок (от минимального в 0% до максимального в 35%) в зависимости от величины дохода (чем больше доход, тем выше ставка налога). Во-первых, отмена или установление этого налога на низком уровне позволила бы широким слоям населения с невысокими доходами повысить личное потребление и способствовать таким образом росту спроса на продовольственную и промышленную продукцию, что равноценно в данном случае росту производства товаров широкого потребления. Во-вторых, установление высокой прогрессии налогообложения для лиц с высокими доходами скорее подре-

зало бы непроизводительное, чрезмерное и паразитическое их потребление. Бюджет, в свою очередь, получил бы дополнительные финансовые источники, которые можно направить на решение социально-экономических задач. В-третьих, для лиц со средними доходами надо найти такой (оптимальный) уровень налогообложения, чтобы, с одной стороны, не подрывать у них склонности к сбережениям и труду, а с другой – поступления в бюджет не сократились. Таким образом, наши рекомендации обосновываются как экономическими (рост производства) и фискальными (повышение денежных поступлений в бюджет) соображениями, так и принципом социальной справедливости.

Что касается косвенных налогов, изначальный рост которых был обусловлен расширением функций государства и необходимостью стимулировать накопления, а также раздвижением границ товарно-денежного хозяйства, увеличением номенклатуры облагаемых товаров и услуг, то мы выступаем за снижение их ставок. Логика здесь такова: поскольку косвенные налоги сокращают платежеспособный спрос прежде всего социальных слоев с невысокими доходами, они тем самым тормозят производство товаров массового потребления. Правда, инвестиционный спрос может частично рассасываться в самой производственной сфере. Но в конечном счете границы этому процессу ставит личное потребление, которое в немалой мере урезается как раз НДС и акцизами. Рост этих налогов к тому же действует инфляционно, поскольку сопутствующее вздорожание издержек производства переносится на цены. Более того, перекладывание акцизов может в конечном, розничном, звене повышать цены в гораздо большей степени, чем первоначальная величина на-

лога, вследствие распространения мультипликационного эффекта на всю цепочку смежных производственно-торговых связей. В связи с этим, мы предлагаем, во-первых, снизить ставку НДС (прежде всего, максимальную – до 15% и в перспективе – до 10% при нынешней ставке в 20%), во-вторых, проводить группировку товарной номенклатуры в зависимости от потребления различных социальных групп и установления на этой основе более диверсифицированных «норм тарификации» акцизов.

Проводимая Правительством России политика государственных расходов должна быть изменена в сторону повышения ее эффективности. Во-первых, следует отметить, что отношение государственных расходов к ВВП страны является чрезвычайно низким (менее 20%) и соответствует уровню наименее развитых стран. Далее, бюджетные ассигнования на развитие «человеческого капитала» должны быть существенно увеличены, поскольку он становится основной движущей силой современного общества.

Наряду с бюджетно-налоговой политикой действенным инструментом воздействия не только на сферу кредита и денег, но и на экономику в целом, является денежно-кредитная политика, проводимая Центральным банком России. В сжатом виде стратегические цели мегарегулятора включают:

- 1) достижение предсказуемого и низкого уровня инфляции в ближайшем будущем;
- 2) содействие фиксации устойчивых цен, положительно влияющих на экономическое поведение производителей;
- 3) создание эффективного финансового и банковского сектора;
- 4) содействие устойчивому экономическому росту и занятости.

По нашему мнению, основные направления выбраны правильно, но в них отсутствует главное – скоординированная направленность на стимулирование экономического роста.

Во-первых, повышая процентную ставку по своим операциям, Банк России исходит из догматических представлений о том, что удорожание предоставляемых банковской системе ресурсов снижает инфляцию. Однако многочисленные исследования по данной проблематике показывают, что монетарные факторы инфляции не являются основными. Д.М. Кейнс доказал, что предложение дополнительного количества денег в экономике «растекается» на рост спроса на готовые товары и на дополнительные инвестиционные ресурсы (что включает в себя и дополнительную занятость) и нет симметричного роста цен в ответ на рост предложения денег [7]. Теоретически и эмпирически доказано, что попытки подавить инфляцию путем ужесточения количественных ограничений денежной эмиссии или удорожания кредита не дают нужного результата в современной экономике с ее сложными обратными связями, нелинейными зависимостями, несовершенной конкуренцией. Более того, эти попытки показывают свою контрпродуктивность: вместо снижения инфляции неизменно происходит падение производства и предложения товаров и, как следствие, повышение цен даже при данной денежной массе. Нынешняя ключевая ставка в 16% годовых представляется чрезвычайно высокой и должна быть существенно снижена, чтобы оживить деловую активность.

Во-вторых, из теории экономического развития и практики многих стран следует необходимость комплексного подхода к формированию денежного предложения в увязке с целями экономического развития и с опорой на внут-

ренние источники денежной эмиссии. Важнейшим из них является механизм рефинансирования кредитных институтов, замкнутый на кредитование реального сектора и инвестиций в приоритетные направления развития. Обычно в данном случае ценные бумаги правительства и устойчивых предприятий выступают в качестве обеспечения. Россия должна использовать данный инструмент более эффективно.

В-третьих, российскую экономику преследует стагфляция, т.е. ситуация, когда падение производства сочетается с повышением инфляции. Процентные ставки такие высокие, что препятствуют расширению экономической активности производителей. Но самой слабой стороной денежно-кредитной политики Банка России является, по нашему мнению, то, что эта политика не стимулирует предприятия и другие формы бизнеса инвестировать средства в основной капитал и инфраструктуру, в первую очередь из-за высоких ставок. Между тем, согласно фундаментальному выводу, сделанному лауреатом Нобелевской премии по экономике Джеймсом Тобином, с которым мы в принципе согласны, ключевой задачей денежно-кредитной политики, проводимой Центральным банком, должно стать создание благоприятных условий для максимизации инвестиций.

Важно также тщательно проанализировать ситуацию с валютными резервами страны и сформулировать разумную политику в этой области. В условиях неопределенности резервы являются весьма эффективным инструментом снижения рисков, тем более это верно применительно к столь сложной обстановке, в какой сегодня находится мировая экономика. Однако, как считает академик РАН Некипелов А.Д. «...есть все

основания полагать, что в России валютные резервы являются избыточными по объему, и при этом не используются должным образом» [9]. С этим мнением мы согласны и учитывая относительно низкий уровень госдолга полагаем, часть этих средств можно было бы использовать на инвестиционные цели.

Предлагаемые изменения в фискальной и монетарной политике особенно важны для долгосрочных целей модернизации экономики в соответствии с тенденциями новой научно-технологической революции.

Заключение. В связи с вышеизложенным возникает вопрос и о конкретных действиях. Наряду с представленными выше рекомендациями по развитию экономики и повышению эффективности экономической политики, мы предлагаем следующие.

Во-первых, должна быть разработана новая, оригинальная модель перехода экономики к устойчивому росту. Это трудная и важная задача, которая требует много времени и сил ученых, практиков, государственных и предпринимательских структур. Более того, она должна быть согласована и принята не только экспертным сообществом, но и всеми движущими силами общества, что давало бы правительственным органам возможность приступить к активным практическим действиям.

Эта модель должна опираться на стратегию «опоры на собственные силы», хотя в России найдутся сторонники «экспортноориентированного» варианта развития страны (вывоз сырья в массовых объемах). Действительно, есть расчеты (в том числе экспертов из МВФ), которые вроде бы подтверждают довольно тесную корреляцию между экспортом и темпами экономического роста. Однако для такой крупной страны

как Россия, с потенциально огромным внутренним рынком, мощной базой ценных минеральных ресурсов и высоким уровнем развития «человеческого капитала», сугубо экспортный вариант стратегии развития нельзя признать стратегическим в долгосрочном периоде, хотя сказанное отнюдь не исключает целесообразности развития экспортных производств.

Стратегически важно трансформировать экспортно-сырьевые преимущества в технологически-конкурентные преимущества. Акцент должен быть смещен на прорывное развитие высоких технологий при одновременном укреплении энергетической и продовольственной безопасности страны. Попутно отметим, что продовольственная безопасность предполагает не только достижение обеспечения населения основными продуктами питания. Не менее важным представляется укрепление материально-технической базы сельскохозяйственной отрасли поставками сельскохозяйственных машин и оборудования отечественного производства. Должны быть восстановлены, расширены и эффективно работать научно-исследовательские Центры селекции и генетики по выведению высоко урожайных сортов (ВУС) семян и племенного животноводства, что позволит отказаться от их импорта. В равной степени это относится и к замещению пестицидов, гербицидов и других сельскохозяйственных препаратов иностранного производства собственными препаратами; все это будет содействовать укреплению не только продовольственной безопасности, но и экономической безопасности страны в целом, а также усилению импортозамещения в ключевых отраслях экономики.

Во-вторых, мы поддерживаем усилия российского правительства по развитию экономики и социальной сферы через реализацию Национальных проектов, Приоритетных программ и создание Региональных институтов развития, которые показывают определенные положительные результаты. Но движение государственных средств, особенно инвестиционных, должно быть строго привязано к конечным натурально-вещественным показателям «под ключ». В этой связи необходимо использование методов планирования (в особенности стратегического). Следует оценить эффективность частичной национализации (за выкуп) отдельных, стратегически важных предприятий и отраслей, которые имеют народнохозяйственное значение, и служить опорой для последующих структурных изменений в экономике. Данное предложение не означает архаичного отката в прошлое. Речь идет, как отмечено в начале статьи, о применении принципов конкурентной эффективности распределения ресурсов через открытые инвестиционные конкурсы. С учетом сочетания принципов государственной важности и справедливости, начать этот процесс следует с базовых отраслей (комплексов) и объектов, попавших под «залоговые аукционы».

И, наконец, для реализации существенных мер по коренной модернизации экономической системы России, деформированной в результате радикальных реформ, требуется политическая воля. Мандат для этого выдан, как мы полагаем, в результате выборов Президента РФ в марте 2024 г.

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726>.
2. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 29.02.2024 «Послание Президента Федеральному Собранию» https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_471111/
3. Российский статистический ежегодник. 2023. – М., 2023
4. Сельское хозяйство России /статистический сборник. 2023. – М., 2023
5. Айдинова, Д. Х. М. Банковский сектор России и система мер по преодолению экономических последствий новой коронавирусной инфекции / Д. Х. М. Айдинова // Основные тенденции развития экономики и управления в современной России: Материалы IX Всероссийской научной конференции студентов и молодых ученых, Карачаевск, 23–24 октября 2020 года. – Карачаевск: Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева, 2020. – С. 105-110. – EDN UFAJST.
6. Батчаев, М. Х. К. Прямые налоги в структуре налоговой системы (на примере развитых стран) / М. Х. К. Батчаев, З. А. Узденова // Основные тенденции развития экономики и управления в современной России: Материалы IX Всероссийской научной конференции студентов и молодых ученых, Карачаевск, 23–24 октября 2020 года. – Карачаевск: Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева, 2020. – С. 36-47. – EDN WEWNSZ.
7. Кейнс. Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. М., Прогресс., 1978. С.371.
8. Некипелов А.Д. Об экономической стратегии и экономической политике России в современных условиях /Доклад на III Московском академическом экономическом форуме «Глобальная трансформация современного общества и цели национального развития России», (МАЭФ-2021), 26-27 мая 2021г.
9. Хубиев, К. А. Надломленный вектор развития российской экономики / К. А. Хубиев, И. М. Теняков // Вопросы политической экономии. – 2022. – № 2. – С. 22-39. – DOI 10.5281/zenodo.6881149. – EDN UKEVVN.
10. Хубиев, К. А. Потенциал развития и факторы торможения российской экономики / К. А. Хубиев, А. Х. Текеева // Основные тенденции развития экономики и управления в современной России: Материалы X всероссийской научной конференции студентов и молодых ученых в рамках форума молодых экономистов и управленцев «Наука на высоте», Карачаевск, 15–16 октября 2021 года. – Карачаевск: Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева, 2021. – С. 3-34. – EDN EKAGEF.
11. <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=2&series=SI.POV.GINI&count>
12. <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/196621>
13. Новый день. 15 февраля 2021 г. /newdaynews.ru.
14. IMF. International Financial Statistics Yearbook. 2022. –Wash. 2023.
15. Gini index 2023 /countryeconomy.com
16. Capital investment, percent of GDP - Country rankings /TheGlobalEconomy.com
17. <https://topcor.ru/34011-rossija-lidiruet-v-rejtinge-stran-po-zapasam-prirodnih-resursov.html>

УДК 332.21.021.8

Makarov A. N.,
Doctor of Economics, Professor, Head of the
Department of Economics of the Kazan Branch
of the Russian State University of Justice

Макаров А.Н.,
доктор экономических наук, профессор, за-
ведующий кафедрой экономики Казанского
филиала Российского государственного уни-
верситета правосудия

О СИСТЕМНОМ ПОДХОДЕ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ УГРОЗ И ВЫЗОВОВ

Аннотация: рассмотрены вызовы и угрозы реформирования земельной собственности на земли сельскохозяйственного назначения. Показаны допущенные существенные просчеты в обосновании стратегических направлений и практических решений фрагментарностью экономической реализации земельной собственности. Приведены научно обоснованные рекомендации по корректировке земельной реформы в России на основе системного подхода.

Ключевые слова: земельная собственность, системный подход, фрагментарность, экономическая власть, право, субъекты земельной собственности, холдинги, спекуляция, латифундизм, владение, титульный собственник.

Сегодня значимость и актуальность исследования такого уникального, ограниченного и невозпроизводимого ресурса сельскохозяйственного производства, как земля, возрастает не только потому, что он представляет главный фактор по обеспечению продовольственной безопасности страны, традиционно и неуклонно сопровождающий человеческое общество, но и в контексте поиска внутренних источников экономического роста, обеспечения экономической безопасности страны в условиях экзистенциальных вызовов и угроз российскому обществу. Так, приведенные в Указе Президента РФ в числе основных вызовы и угрозы экономической безопасности, такие, как усиление колебаний конъюнктуры мировых товарных и финансовых рынков; несбалансированность национальной бюджетной системы [2], имеют непосредственное отношение к бюджету России, в значительной мере формируемому за счет рентного дохода от природно-

сырьевых ресурсов, зависящего от изменения конъюнктурных цен рынков этих ресурсов, т.е. по сути находящегося под влиянием экзогенного фактора, не поддающегося управлению и контролю со стороны страны-производителя, тем самым в долгосрочном периоде это нестабильный и ненадежный источник доходов. Демонстрацией принципиальной важности внутренних надежных источников доходов являются эпизоды не столь давней истории нашей страны, которые убедительно показывают, что, с одной стороны, именно планомерно созданные внутренние источники развития явились основой мировых достижений СССР; и, с другой стороны, наоборот – одной из причин развала СССР послужило значительное снижение во второй половине 1980-х годов цен на энергоносители [42].

Следует отметить, что в системе радикальной аграрной реформы, провоз-

глашенной в России в начале 90-х годов (впрочем, и других неоднократных реформ, к сожалению, представляющих в истории России безуспешные попытки разрешения вопроса об эффективной земельной собственности [23]), главным оказался вопрос о земельной собственности, затрагивающий противоречивые интересы различных экономических субъектов. В этой связи возникает необходимость критического подхода к анализу, отказа от бесперспективных направлений реформирования (модернизации) земельной собственности, с учетом того, что по макроэкономическим расчетам в общем объеме чистой народнохозяйственной прибыли на долю природной ренты приходится две трети, именно земельная рента представляет фундаментальный и стабильный эндогенный источник бюджетных доходов. При этом принципиально важно и то, что «собственник земли и природных ресурсов будет выплачивать ренту обществу, а не присваивать себе то, что ему никогда не принадлежало и принципиально принадлежать не может» [11].

Очевидно, что выполняя свои методологическую, теоретическую, прогнозную и практическую функции, экономической науке предстоит дать обоснованные рекомендации, в частности, расширить рамки методологического подхода к исследованию проблем земельной собственности и на этой основе продвинуться в раскрытии ее теоретического содержания [25, 14], выдвинув тем самым научную аргументацию мысли о том, что сельское хозяйство является объектом приложения дополнительных ресурсов, придавая новый импульс развитию всей экономики страны.

Парадоксальным образом повестка земельной реформы, провозглашенная государством более ста лет назад боль-

шевистским «Законом о социализации земли» (давшим комитетам бедноты санкцию на национализацию больших частных землевладений, заявив при этом лозунг о предоставлении земли крестьянам), не утратила свою актуальность и сегодня, поскольку земля так и не стала собственностью тех, кто на ней живет и работает. Фактические сценарии нынешней реформы привели к глубокой «теневилизации» земельных отношений, неуклонному росту спекуляции землей, неизбежной эволюции свободного рынка земли в сторону формирования слоя латифундистов (в том числе, также и зарубежных), представляющих собой группу рантье, получившую право на паразитическое присвоение рентного дохода, подлежащего оплачивать обществу. Реформы обрекли Россию, обладающую огромными земельными ресурсами (1,7 млрд га), на которых сосредоточено 55% черноземных почв мира, снова и снова ставить вопросы о рациональном устройстве аграрных дел и, прежде всего, о земельной собственности.

Следует полагать, что сложившееся положение в области земельной собственности связано с фрагментарностью экономического знания, с отсутствием системного подхода к экономической реализации собственности на землю. Проведенная нами рефлексия позволяет выделить соответствующие практические и теоретические детерминанты логического перехода к «системоцентризму» (терминология В.П. Кузьмина [7]), способствующего анализировать земельную собственность и ее реализацию как системного явления. Следует отметить, что история как нашей страны, так и зарубежных стран богата примерами фрагментарного подхода к земельной собственности [15, 13]. Методологический бум, начавшийся в экономической

теории в 80-90-е годы, позволил экономическому сообществу осознать невозможность дальнейшего развития науки (в свою очередь представляющей собой также системное образование, достаточно отчетливо включая, по крайней мере, три составные части: базовую теоретическую науку как таковую, философско-методологическую составляющую и методологию) без соответствующего углубления саморефлексии. В этой связи приведем философские положения, включение которых в научный актив имеет значение и для политико-экономической интерпретации земельной собственности как системы: «Итак, содержание материального образования составляют: а) элементы, образующие вещь; б) взаимодействие элементов; в) изменения, возникающие в вещи в результате этих взаимодействий. Когда мы осмысливаем закономерности взаимосвязи содержания и формы, мы берем совокупность указанных трех факторов и соотносим ее с относительно устойчивой системой связей взаимодействующих элементов. Но в процессе дальнейшего развития познания возникает необходимость выявить закономерности отношения того или иного отдельного фактора, входящего в содержание, соотносительно устойчивой системой связей» [21].

Отсюда исследование земельной собственности и ее экономической реализации – как системы, предполагает анализ с точки зрения синтеза следующих философских, социально-практических и экономических детерминационных факторов: а) взаимодействия; функционирования; связи; б) процесса; воспроизводства; в) «отграниченного взаимосвязанного множества» в смысле звена (хозяйствующего субъекта, функционирующего и вступающего в хозяйственные связи, взаимодействия). Соответственно, историческую природу

земельной собственности следует представить как исторически последовательное формирование детерминантов реализации земельной собственности, содержащих в себе «логику самодвижения»: воспроизводственного процесса, хозяйственного звена, обладающего экономической властью, и хозяйственных (горизонтальных) связей. Каждая из этих детерминантов формируется в единстве с эволюцией общественного воспроизводства и выражается в специфических интересах, мотивации и поведении земельного собственника. Следует полагать также, что отсутствие системности при исследовании и реализации земельной собственности неизбежно приведет к отвлечению от множества взаимодействий объекта и сосредоточению внимания на одном или нескольких, принимаемых как главные, а все остальные взаимодействия и факторы рассматриваются как несущественные и зависимые, производные от главного.

В рамках нашей темы важно отметить, что при системном подходе в поле зрения оказывается также взаимодействие между социально-экономическими системами и природной средой. При этом системный подход, взятый нами на вооружение, является по своей сути эволюционным, ибо характеризуется акцентом на поступательных процессах и динамической трансформации; одновременное сосуществование в системе земельной собственности множества различных форм взаимодействия с другими системами не позволяет абсолютизировать какую-либо одну из этих форм, а побуждает, если мы хотим адекватно отражать положение дел и наиболее результативно изменять и реализовать ее, определять свою деятельность, исходя из конкретной ситуации, а не из принятых догм, принимая решения в соответствии с системным мышлением [20].

Дополнительную сложность попыткам разобраться в вопросах о реальном собственнике на землю и условиях экономической реализации земельной собственности представляет нечеткое разграничение *экономического* и *правового (юридического)* содержания собственности, относительная самостоятельность этих аспектов собственности. В самом общем виде собственность как экономическое явление можно определить как социально определенное приобретение благ. При этом для экономического подхода важное социально-экономическое значение имеет объект приобретения, разделение объектов на факторы, условия и средства производства, с одной стороны и потребительские блага, с другой. Лицо, монопольно приобретающее условия производства, получает особый социальный статус по отношению к другим людям, имеющим такие же права и свободы, но не имеющим такой возможности. Это особенно очевидно, если приобретаются уникальные, невозпроизводимые или трудновоспроизводимые условия производства, или разрешительные права, не имеющие эластичного предложения. Так, например, крупное частное землевладение социально-экономически выделяет владельца земли и ставит в экономически зависимое от него положение тех, кто должен использовать землю как необходимый ресурс для производства реальных благ.

Сегодня недостатка в принятых правовых документах нет: так, если за 1990 – 1993 гг. было принято около 100, то сегодня в стране на федеральном уровне в целом действует более одной тысячи законодательных актов, регулирующих земельные отношения. Правовой подход к содержанию собственности характеризуется тем, что он оперирует с уже готовыми объектами и специфицирует права

на них, и процесс их создания остается за пределами данного подхода, в то время как политэкономический подход предполагает ответ на вопрос: кому принадлежит процесс производства? Отсюда очевидно, что плоды собственности (доходы) принадлежат тому, кто присвоил сам процесс их образования [25].

Для достижения реального и эффективного преобразования института собственности нужно стремиться не к изменению субъектов, а к изменению содержания (самой природы) экономической реализации собственности и в качестве системообразующего фактора следует рассматривать не субъект собственности, а совокупность следующих характеристик: а) способы присвоения условий и результатов труда, особенности распоряжения ими; б) господствующий способ обмена деятельностью; в) основания и способы перераспределения продуктов и доходов; г) способы воспроизводства условий труда [39] и собственности. Вопрос о субъектах земельной собственности может быть поставлен только в последнюю очередь [20].

Дело в том, что собственность юридически может и отсутствовать, но, в то же время, практически (экономически) она может быть реализована, и наоборот [25, 40]. Так, например, самый массовый социальный слой в России до 1861 года – крепостные крестьяне (как известно, *юридически (формально)* не имевшие никакой земельной собственности), делились на две категории: 1) принадлежащие помещикам и 2) казенные крепостные, отношение которых к земле принципиально отличалось. Помещичьи крестьяне в любую минуту могли быть лишены земли, поскольку барин мог ее отобрать, в то время как казенные крестьяне могли не только достаточно сво-

бодно переселяться, но и отдавать в аренду, и иногда даже продавать «свою землю». Хотя официально все это не разрешалось, и не имело юридического подкрепления, однако, в то же время, на практике, и не преследовалось. Сделки с землей казенных крестьян можно представить как своего рода «серая (теневая) зона» в царской России: несмотря на то, что никакими свидетельствами о собственности на землю они не обладали, государство веками не вмешивалось в их владения. Тем самым этот период характеризуется особым отношением государства и «собственников» земли: практической (*реальной*) экономической реализацией земельной собственности вне правового (*формального, нормативного*) поля постольку, поскольку пока их не замечает власть [40].

Принципиально важным моментом в исследовании земельной собственности является постановка вопроса об *экономической власти*. Громкими лозунгами и оглушительными разговорами о свободе выбора невозможно отменить то закономерное явление, что собственник средств производства (ресурсов) обладает экономической властью над теми, кто без доступа к этим ресурсам не может реализовать свою способность к труду. Триединой формулой экономической власти выступают: собственность на средства производства (ресурсы), контроль над процессом создания благ и распределение дохода. В то же время она может функционировать и проявляться не только в единстве трёх моментов: собственность обладает сложной структурой и для экономической власти необходимы не все права собственности, а достаточно определённого набора или кластера прав. Степень концентрации прав собственности, которая дает собственнику возможность подчинить себе процесс создания объектов собствен-

сти, превращает его в особое экономическое лицо (звено), которое может распоряжаться созданным продуктом и созданным доходом. Вся человеческая история в определенном экономико-юридическом срезе может быть рассмотрена как последовательная смена системы прав собственности и экономической власти, придающие общественную определенность процессу производства и присвоения.

Что касается более чем тридцатилетнего периода земельной реформы, то можно выделить следующие ее *«результаты»*:

1. Процветание высокодоходного спекулятивного рынка сельскохозяйственных земель, связанного с дешевой скупкой земельных долей у сельских жителей с последующей их перепродажей по рыночной цене с изменением категории земель [44], и в этой связи лавинообразно быстрым ростом количества совершенных преступлений, что суды и прокуратуры ими уже не справляются; особая актуальность проблемы потерпевших, обманутых земельных пайщиков [9].

Следует заметить, что после 2002 г. наблюдалась активизация попыток владельцев паев выделить их из коллективно-долевой собственности. Однако для мелких землевладельцев распорядиться участком земли оказалось практически невозможным, что объясняется неспособностью большинства граждан оплатить предусмотренные достаточно высокие затраты по оформлению прав собственности (например, межевания земельного участка, являющегося лишь одним из этапов процесса). На практике межевание, постановка земельного участка стали способом недобросовестного захвата чужих территорий, когда кадастровые инженеры умышленно пользуются кадастровыми ошибками и вносят в

межевые планы заведомо ложные сведения. Так, например, в этой связи в Республике Татарстане состоялись судебные разбирательства с кадастровыми инженерами, на которые наложены административные штрафы [6].

2. В настоящее время в сельской местности наблюдается высокий уровень бедности, нищеты (практически 2/3 населения на селе имеют денежные доходы ниже прожиточного минимума) и безработицы (по данным Росстата безработица на селе вдвое выше, чем в городе – 8 и 4,3%, соответственно). Согласно результатам исследования, в рейтинге 44 отраслей по заработным платам за 2023 год сельское хозяйство вновь показывает наихудший результат [32]. Многие сельскохозяйственные территории характеризуются запустением деревень, массовой деградацией перешедших в ведение местных властей объектов социальной сферы.

3. Серьезным негативным результатом реформы является значительное сокращение площадей земельных угодий, задействованных в хозяйственный оборот (хотя информация о количестве заброшенных земель до сих пор отсутствует [26], однако речь идет о площади от более чем 40 млн га. [29] до 97,2 млн га), в связи с отсутствием собственных финансовых и технических возможностей для поддержания земель в надлежащем состоянии. По данным, в Нечерноземной зоне (Костромская, Вологодская, Тверская, Ярославская и другие области) заброшено до 50% земель. В результате земли зарастают лесом, сорняком и бурьяном, и вернуть их в былое состояние и задействовать в хозяйственном обороте с каждым годом становится все сложнее. Парадокс в том, что местные фермеры, которые хотят и могут рабо-

тать, нередко не могут получить необходимые земельные участки [33].

4. Неоклассической теории, послужившей доктринальной основой реформирования земельной собственности, неявно, а иногда и открыто понимающей под собственностью только право частной собственности, удалось навязать российскому обществу мысль о том, что частная собственность на землю – неперенный атрибут рыночной экономики, что, по сути, определило концептуальные основы и вектор реформы, направленные на раздробление либерал-реформаторами земельных ресурсов, находящихся в государственной собственности, на индивидуальные паи. Фактические же сценарии приватизации практически повсюду привели к формированию латифундий невиданных размеров, «теневилизации» земельной собственности, породили деформированные и фрагментарные модели ее экономической реализации [15]. При системном подходе становится очевидным, что многообразие форм и видов собственности с господством частной собственности на землю нельзя назвать целью земельной реформы. Принципиально важным здесь является то, что сам переход от одних форм собственности к другим и развитие многоукладной формы землевладения и землепользования, а также движение земли от менее эффективных к более эффективным хозяйствующим субъектам должно быть эволюционным, то есть на основе конкурентной борьбы за выживаемость; а в организационном плане необходима ориентация на сочетание крупных землевладений и землепользования - основных производителей товарной продукции со средними и мелкими. Речь идет не о новых открытиях, а о хорошо известных процессах, о которых писал А.Чаянов в работе «К вопросу

теории некапиталистических систем хозяйства», которая в 1924 г. была опубликована в Германии, а на русском языке впервые вышла лишь в 1989 г. По мнению автора «у нас не вызывает сомнения, что будущее экономической науки не в создании единой, единственно универсальной теории экономической жизни народа, а в разработке ряда теоретических систем, соответствующих как уже существующим, так и ушедшим в прошлое социально-экономическим укладам, и исследующих формы их существования и эволюции» (в этой связи следует отметить об огромном влиянии работ А. Чайнова на аграрную реформу в ряде стран (Японии, Франции, Китае и др.).

5. *Парадоксальный результат* совершенного в стране в 90-е годы очередного поворота к частной собственности на основе приватизации состоит в том, что, несмотря на бесплатное предоставление 12 млн человек земельных долей, массового слоя крепких фермеров в России так и не появилось. Что касается «нормы» в 60 га, то она должна была способствовать и стимулировать к кооперации, и какое-то время, действительно это имело место. Однако, как показывает практика, членам кооперативов не удается договариваться и формировать полные цепи «производства – переработки – реализации продукции». Таким образом, формальное наделение селян земельными паями не сделало их реальными собственниками в силу отсутствия условий для экономической реализации земельной собственности. Тем самым мы сталкиваемся с парадоксами экономического и правового содержания экономической реализации земельной собственности, но уже XXI века. В числе которых – чрезвычайная трудность найти ответ на вопрос, который является главным и определяющим в содержании

современных аграрных отношений в стране и в государственном управлении земельной собственностью: кто же сегодня в России (где свыше 60% сельскохозяйственных земель юридически находится в частной собственности, большинство государственных сельхозземель не распределено по конкретным собственникам) не только юридически, но и экономически реализует земельную собственность? Владелец земельного пая со своего не существующего в натуре земельного надела не получает не только ренты (являющуюся экономической формой реализации права земельной собственности), но и необходимой платы за труд. Не присваивает земельной ренты и государство. В то время как значительную долю земельной ренты в неявной форме присваивают производители и посредники с поставляемых в село экономических ресурсов за счет неэквивалентности обмена продукцией. Парадоксальность ситуации состоит и в том, что наряду с отсутствием эффективной модели экономической реализации земельной собственности, в Росреестре сегодня невозможно получить ответа на вопрос о реальном собственнике земли.

Повсеместно в стране наблюдался добровольный отказ сельскохозяйственных предприятий, крестьянских хозяйств и других производителей сельскохозяйственной продукции от предоставленных им ранее земель, связанный с их неудовлетворительным экономическим состоянием, отсутствием финансовых возможностей для подготовки карты земельных участков, оплаты работ по оформлению сделок с собственниками земельных долей и участков. Оказалось, что гораздо чаще такие траты могут себе позволить те, кто планирует вести на этих землях строительство. Несмотря на то, что земли сельскохозяйственного

назначения, представляющие в аграрной сфере основное средство производства, имеют особый правовой режим и подлежат особой охране, формально защищены также и от использования для строительства, однако на практике наблюдаются многочисленные случаи их перевода в земли поселений. Пока такой перевод возможен, пока затраты на него ниже, чем выгоды, которые можно получить от строительства, этот процесс в рамках рыночных принципов хозяйствования не остановится, и земля будет выводиться из сельскохозяйственного оборота [22]. Федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» от 10.07.2002 г., представленный как своего рода компромисс между нарождающимся классом крупных землевладельцев и владельцами земельных паев, не смог препятствовать привлечению на земельный рынок огромных денег банков, инвестиционных компаний, нефтяных денег (по данным специалистов, в процессе скупки земель участвовали крупные западные средства, частично имевшие российское происхождение, а также деньги международных венчурных фондов) [3].

В результате массовой ликвидации сельскохозяйственных предприятий, крестьянских хозяйств часто нерешенным оставался вопрос о дальнейшей судьбе земельных участков. В ходе аграрной реформы были созданы условия для приобретения земли крупными интегрированными формированиями, благодаря которым на рубеже XX-XXI веков в составе экономических агентов системы земельной собственности появились новые «игроки» агросферы, которые, представляя, по сути, одну из форм многообразного процесса агропромышленной интеграции, обладают собственностью на имущество сразу в

различных отраслях народного хозяйства, занимаются одновременно не одним, а, как правило, несколькими видами экономической деятельности (торговля – внешняя и внутренняя, банковская деятельность, материальное производство, менеджмент, маркетинг и др.). Эти вновь появившиеся «игроки», набирающие с начала XXI века все большую реальную силу и вес в аграрной экономике, являются экзогенными экономическими агентами (субъектами) земельной собственности и представлены крупными и очень крупными капиталистическими предпринимателями, выступающими ныне в России, по-видимому, проводниками модернизации всей системы земельной собственности. Так, если по оценке министра сельского хозяйства, всего в России к концу лета 2002 г. насчитывалось «более 80 крупных холдингов», функционирующих в аграрном секторе [33], то сегодня учеными РАН-ХиГС выделены 978 агрохолдингов, включающих в себя 2552 организации [5].

Опасения ученых о возникновении латифундий у тех, кто владеет крупным капиталом [31], при длительной подготовке соответствующего закона были «сняты» заверениями высоких руководителей о регулируемом рыночном обороте земли, как и в цивилизованных странах (например, установлением барьеров на пути появления латифундий максимальным размером приобретаемых земель). К сожалению, в отличие от действительности других стран с развитой рыночной экономикой, где принятые ограничения являются важнейшими и обязательными принципами рынка земли, практика создания агрохолдингов противоречит столь элементарным стандартам, поскольку главным мотивом многих внешних инвесторов, не связан-

ных с сельским хозяйством, является не внутренняя забота о судьбах села и крестьянства, а, как правило, стремление завладеть огромными массивами земель, цена на которые в перспективе станет достаточно высокой. По мнению А. Емельянова, привлечение внешних по отношению к селу инвесторов, дающих селянам хотя бы какую-то зарплату, решающих некоторые социальные вопросы, в таких формах и на таких условиях, следует оценивать как вынужденную и временную меру. Селу нужен настоящий крестьянин-хозяин, а не пришедший извне спаситель, и позиция, связанная с поддержкой подобных инвесторов и агрохолдинговой гигантомании, не способствует проведению курса на сбалансированное развитие разных форм хозяйств путем их взаимодействия, и ее нельзя выдавать за стратегический путь развития деревни [8].

Вопросы о том, когда и как рождалось предубеждение российских экономистов о превосходстве крупных форм ведения сельского хозяйства, и как российская аграрно-экономическая наука пропустила важную дискуссию европейского масштаба по данной теме, подробно рассмотрены в монографии В.Ф. Башмачникова, в которой представлены материалы об агрессивности российского неолатифундизма, о разорении крупными латифундиями фермерских хозяйств и захвате их земель, рассуждения о том, что «латифундизм – это ожившие тени прошлого, порождение чуждого, погибельного «либерального» нашествия на нашу деревню... На дворе XXI век, и нигде в мире, кроме нашей страны, нет магнатов-землевладельцев, в собственности которых до 600 тысяч гектаров земельных угодий. «Гнёзда» латифундизма зародились не вчера, но только в последние годы вышли на свет в «образцовом виде процветающих аг-

рохолдингов». Всю эту четверть века правительство, губернские власти не только не давали окорот алчности латифундистов, но и потворствовали скупщикам, захватчикам земли, которые теснят фермерские и крестьянские хозяйства» [4]. Однако, при всей важности рассмотренных аспектов, в объяснении условий формирования латифундизма в монографии не выделены: 1) главный фактор, а именно – собственность на землю, 2) создание условий для экономической реализации земельной собственности, 3) тесно с ним связанное – формирование спекулятивного рынка земли [18, 19].

В числе причин создания агрохолдингов в начальный период следует отметить низкую стоимость сельскохозяйственных земель (поскольку при низкоэффективном производстве сельскохозяйственные угодья не образуют земельной ренты как основы рыночной оценки (цены) земли), формирование гарантированных сырьевых зон, стремление извлечь высокую прибыль на всех стадиях производства продовольственной продукции, возврат кредитов. Сегодня цены на землю в ряде регионов доступны каждому, так, например, жителям России можно забронировать себе земельный участок в Тверской области всего за 50 тыс. рублей [10]. Кроме того, с 1 марта 2015 года в России во многих муниципальных образованиях (районах и сельских поселениях), определённых законами субъектов РФ землю можно получить бесплатно для ведения 1) личного подсобного хозяйства или 2) крестьянского (фермерского) хозяйства на основании пп. 6 п. 2 ст. 39.10 и пункта 4 ст. 39.5 Земельного кодекса РФ. Сегодня такие законы приняты во многих областях, в том числе на Сахалине, в Магаданской области, Республике Адыгея и Чукотском автономном округе, действу-

ет также и другой льготный порядок бесплатного предоставления земли – для педагогов, медиков, работников сельского хозяйства и других сельских специалистов, переезжающих на постоянное место жительства в сельскую местность с целью работы по специальностям, необходимым в данных муниципальных образованиях, перечень которых определяется законами субъектов РФ.

Главной же причиной формирования латифундизма является отделение сельских работников от земли как производственного ресурса под коварным предлогом превращения их в собственников. Тем самым они оказались лишены всякой экономической власти в отношении земельных ресурсов, а рынок земли расставил покупателей в очередь по степени их платежеспособности. Очевидно, что первыми там стали не те, кто намерен производить, а те, кто далеки от таких намерений. По экспертным оценкам, до 10% посевных площадей сконцентрировано в агропромышленных формированиях холдингового типа. Здесь отделение капитала-собственности от капитала-функции получило приме-

нительно к сельскому хозяйству свое логическое завершение. Производитель, отделенный частной собственностью от средств производства, будет обременен арендной платой, а общество – земельной рентой (о конкретных результатах затаенного коварства столь привлекательного (на первый взгляд для крестьян) варианта реформ в виде бесплатной раздачи земли и имущества, а также о его ближайших и долгосрочных последствиях [41, 19]).

Сегодня цены на землю в России в несколько раз ниже, чем в странах с близкими природными условиями (см.: табл.1 [30, 34]). Так, даже самая дорогая земля в России (в Краснодарском крае, которая в пересчете на валюту стоит 2100 долларов) примерно втрое дешевле, нежели в заметно уступающей ей по природным условиям Восточной Европе (Румынии, Польше, Литве). Самая же дорогая сельскохозяйственная земля – в Великобритании, которая стоит в среднем от 20 до 30 тысяч долларов. В США обрабатываемая пашня для инвесторов обходится в пределах от 5 до 12 тысяч долларов.

Таблица 1 – Цены на землю в странах Европы, Южной Америки, в США, Канаде, Австралии

№	Страна	Цена 1 га земли (в тыс. долл.)
1	Австрия	42,0
2	Германия	32,3
3	Великобритания	31,4
4	Чехия	42,0
5	Нидерланды	63,7
6	Франция	7,4
7	Италия	25,7
8	Испания	16,1
9	Бельгия	28,0
10	Греция	11,0
11	Дания	26,6
12	Ирландия	39,3

13	Португалия	7,4
14	Финляндия	11,0
15	Швеция	9,8
16	Швейцария	70,0
17	Болгария	4,6
18	Эстония	5,0
19	Латвия	1,4
20	Литва	2,2
21	Хорватия	7,0
22	США	10,2
23	Канада	4,75
24	Австралия	1,6
25	Страны Южной Америки	10,0

В то же время в последние годы спекуляция землей получила новые стимулы, связанные с ростом цен на сельскохозяйственные земли, вызванным хорошими показателями урожая в течение нескольких лет. По мнению аналитиков, в среднесрочной перспективе тренд на удорожание сельскохозяйственных земель сохранится, и этому могут способствовать активизировавшиеся непрофильные холдинги – инвесторы, проявляющие в последнее время интерес к растениеводству [43]. Земельные активы крупнейших российских латифундистов сегодня дорожают из-за роста рыночных цен на сельхозземли по всей России, в первую очередь в Центральном Черноземье, где за последние два года цены увеличились в несколько раз. Рост цен

на продовольствие на мировом рынке также стимулирует развитие российского агросектора. По подсчетам Россельхозбанка, сумма сделок по слияниям и поглощениям (M&A) в российском АПК в 2021 году составила 1 млрд. долларов, что в три раза больше, чем за 2020. Совокупная площадь земель, принадлежащих 20 крупнейшим российским латифундистам, составляет 8,5 млн га, а общая стоимость их земельных наделов выросла за год с 617,31 млрд рублей до 933,04 млрд рублей (см.: табл. 2). По сути, цены на землю в стране диктуют несколько человек из числа земельных баронов, разумеется, предпочитающих покупать свои земли, там, где цены самые высокие, а не бесплатные гектары на Дальнем Востоке.

Таблица 2 – 20 крупнейших землевладельцев России в 2022 г. [37]

№	Название	Площадь земель	Стоимость земель
1	Фирма «Агрокомплекс» им. Н. И. Ткачева	660 тыс. га	152,1 млрд руб.
2	Продимекс	900 тыс.	94,3 млрд руб.
3	Мираторг	1047 тыс. га	77,1 млрд руб.
4	Степь	577,9 тыс. га	73,9 млрд руб.
5	Концерн «Покровский»	242 тыс. га	67,8 млрд руб.

6	«Русагро»	600 тыс. га	59,8 млрд руб.
7	Авангард-Агро	448,2 тыс. га	46,8 млрд руб.
8	ЭкоНива-АПК	630,2 тыс. га	44,3 млрд руб.
9	Волго-ДонАгроинвест	446,9 тыс. га	42 млрд руб.
10	ГАП «Ресурс»	340 тыс. га	40,8 млрд руб.
11	ГК «Доминант»	320 тыс. га	38,4 млрд руб.
12	Юг Руси	200 тыс. га	29,9 млрд руб.
13	«АгроГард»	156,4 тыс. га	24,6 млрд руб.
14	АФГ «Националь»	180 тыс. га	23,3 млрд руб.
15	«АгроТерра»	265 тыс. га	23,2 млрд руб.
16	ГК «Светлый»	184 тыс. га	22,1 млрд руб.
17	«КДВ Агрохолдинг»	313 тыс. га	19,4 млрд руб.
18	Холдинговая компания «Ак Барс»	354 тыс. га	18,6 млрд руб.
19	Группа «Черкизово»	300 тыс. га	17,4 млрд руб.
20	«Агросила»	330 тыс. га	17,3 млрд руб.

Нынешняя государственная аграрная политика направлена на создание, стимулирование и поддержку агрохолдингов и не предполагает ограничений размеров земельных участков в собственности юридических лиц. При этом отсутствие ограничений по размерам земельных ресурсов агрохолдингов зачастую приводит к усилению монополизации в аграрном секторе.

Этот процесс часто состоит в полном лишении самостоятельности сельскохозяйственных предприятий и установлении контроля над земельными ресурсами, в том числе путем скупки земель, имеющей ряд негативных последствий: 1) происходит обезземеливание сельских жителей; 2) крупные структуры, как правило, заинтересованы в интенсивном использовании земель и не

всегда заинтересованы в сохранении плодородия земель; 3) доходы, получаемые от использования сельскохозяйственных земель, производства сельскохозяйственной продукции, часто минуют стадию производства сельской экономики, тем самым не способствуют ее (сельской экономики) развитию, поскольку конечным получателем доходов является фирма-интегратор.

В соответствии с ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» иностранные физические лица, а также юридические лица, более 50% доли уставного капитала которых принадлежит иностранцам, не могут владеть российской землей. Однако лазейки в законодательстве позволили зарубежному бизнесу осваивать земли страны. Согласно проведенному учеными РАН-

ХиГС исследованию «Характеристика агрохолдингов и их роль в сельском хозяйстве России», иностранцы смогли купить миллионы гектаров российской земли, при этом из 978 агрохолдингов 62 находятся под контролем иностранцев, которые включают в себя 252 сельскохозяйственные организации, генерируют 16,5% выручки, сконцентрируют больше 5% сельхозугодий и 7,5% трудовых ресурсов. Среди них есть датские, нидерландские, немецкие компании, на Дальнем Востоке растёт число китайских холдингов, но чаще всего это офшоры – кипрские, британские Виргинские острова. Благодаря появившимся перекупщикам в сельскохозяйственной отрасли России (таких, как швейцарская Glencore International AG (свыше 15% экспортного рынка в РФ), американская Cargill Inc. (примерно 10% российского экспорта) и др.), скупавшим по низкой стоимости полученные урожаи в России и отправлявшим их за рубеж уже совсем по другой рыночной стоимости, фактически за счёт перепродажи российского зерна делали инвестиции в российскую сельскохозяйственную отрасль и ещё больше увеличивали свои доходы, забирая себе дивиденды. В конечном итоге в 2022 году иностранные компании стали контролировать 70% всего зернового экспорта. Перевес баланса в чужую сторону замечен российскими политиками. Предполагается, что комплекс специальных мероприятий будет способствовать тому, что в результате зарубежные компании будут отодвинуты на задние ряды в зерновом экспорте, а российские компании сами будут контролировать экспорт и получать всю основную прибыль, полученные финансы станут работать на нашу экономику, а не на чужую [28].

Вступление России в ВТО практически даёт «зелёный свет» для скупки

российских сельскохозяйственных земель и предприятий агропромышленного сектора (АПК) крупными иностранными компаниями, имеющими доступ к дешёвым кредитным ресурсам международных финансовых институтов. По данным Института конъюнктуры аграрного рынка (ИКАР) сегодня десятки зарубежных компаний (итальянских, шведских, датских и др.) через аффилированные дочерние компании уже контролируют более миллиона гектаров российских земель сельскохозяйственного назначения, большая часть которых находится в Черноземной зоне России [27]. Учредителями их дочерних компаний формально числятся российские граждане, а финансирование реально осуществляется зарубежными инвесторами. К тому же около 85 процентов сельскохозяйственных земель (то есть 118 миллионов гектаров земли), выделенных в начале 90-х годов для приватизации, в России не числятся в кадастрах регистрационных палат, которые, по сути, оставляют широкий простор для всякого рода злоупотреблений, теневилизации экономической реализации земельной собственности [27]. Эти факты определенно снижают продовольственную безопасность страны, но используемые количественные показатели ее оценки, особенно агрегированной, не позволяют учесть это институциональное обстоятельство [35]. В числе возможных последствий для России массовой скупки или аренды земель иностранцами, эксперты отмечают:

- 1) когда объёмы производства сельхозпродукции иностранными компаниями вырастут, это может обернуться давлением на власть (сначала на региональную, а затем и на федеральную);

- 2) Россия может потерять юридический контроль над своими сельхозугодьями, если этот процесс будет запущен

и в ближайший десяток лет не удастся навести порядок. В этих условиях полезно было бы понять масштабы явления в стране, чтобы в дальнейшем выстраивать соответствующую политику в отношении иностранных собственников сельскохозяйственных земель [38]. Поскольку избежать неминуемо возникающих в этой связи конфликтных ситуаций возможно только при условии жёсткого государственного контроля над сделками с землями сельскохозяйственного назначения и предприятиями АПК при обязательном «обременении» иностранных собственников по ассортименту и качеству производимой продукции [20, 24].

Выход из сложившейся ситуации в области отношений земельной собственности связан с решительным отказом от ультралибералистских постулатов, переходом к концепции реформы с иной структурой форм и экономической реализацией земельной собственности, принятием соответствующей государственной федеральной программы глубокой коррекции земельной реформы в сельском хозяйстве.

Конструктивная позиция состоит в развороте аграрной реформы в направлении максимального благоприятствования предпринимательскому землевладению, создания массового производителя сельхозпродукции при сохранении титульной собственности за государством. Основная же идея в проведении реформы земельной собственности состоит в том, что главной фигурой в аграрном секторе с индивидуальной и общественной точки зрения выступает не титульный собственник земли, а предприниматель, то есть производитель сельхозпродукции. При этом мировой опыт свидетельствует также и о том, что задачи концентрации земель у эффек-

тивно хозяйствующих субъектов и оптимизации размеров землепользования могут быть решены и в условиях государственной собственности через аренду. В этом случае в качестве объекта сделки на рынке будет выступать не право собственности на земельный участок, а право пользования им, то есть хозяйствования на нём. Это будет способствовать обеспечению доступа к земле всех граждан, способных заниматься сельскохозяйственным производством, поскольку приобретение участков в аренду является менее капиталоемким и не требует больших и единовременных затрат, и что немаловажно – исключая при этом возможность спекуляции земельными ресурсами.

Принятые в последнее время решения на государственном уровне лишь подтверждают актуальность выделенных нами направлений изменения приоритетов земельной реформы. Так, в числе таковых следует отметить: 1) принятый Государственной думой закон, упрощающий аренду государственных и муниципальных сельхозземель для фермеров, которые с 1 января 2023 года смогут получать такие земельные участки в аренду без торгов на срок до пяти лет, причем многократно, а также будут иметь право приоритетного выкупа арендуемого участка. Вместе с тем таким лицам запрещается изменять целевое назначение полученного в аренду земельного участка, передавать участок третьим лицам (в том числе в субаренду), а право его аренды – в залог, а также вносить участок в качестве вклада в уставный капитал хозяйственного товарищества или общества, либо паевого взноса в производственный кооператив [36]; 2) в период с 2022-2031 в России будет запущена государственная программа, целью которой является вовле-

чение в оборот 13,2 млн га неиспользуемых земель, реализация которой послужит укреплению продовольственной безопасности страны [1].

Вопрос об эффективной собственности вообще и на землю в частности, может быть грамотно рассмотрен лишь в контексте ее экономической реализации. Такой переход представляется абсолютно необходимым, императивным, ибо за более чем 30-летний цикл реформ земельной собственности мы имеем устойчивую тенденцию «примитивизации» аграрной экономики, которая, по сути, сводится к безоговорочному формированию частной собственности на землю, превращению формы в самодовлеющую конструкцию земельной собственности. В этой связи «новая» приватизация для аграрного сектора нашей страны может стать очистительной, причем в первую очередь, в отношении собственности на землю и ее экономической реализации, способствуя формированию внутренних источников экономического роста [17]. Имеется в виду «очищение» прежде всего в смысле отказа (кстати, парадоксально по американскому примеру) от радикально-либералистских алгоритмов в практике регулирования земельных отношений к формированию эффективной экономической реализации земельной собственности, сохраняя титульную собственность за государством [15].

Таким образом, на современном этапе развития аграрных отношений в качестве основной формы использования земельных долей может быть рекомендована их аренда. В то же время гарантированное право собственника земельной доли на сдачу её в аренду любому хозяйствующему в аграрном секторе субъекту в ряде случаев является дестабилизирующим фактором, создавая угрозу дезорганизации крупнотоварного производства, нарушая его целостности во многих коллективных хозяйствах и без того ослабленных реформами. Поэтому предпочтительным вариантом землевладения и землепользования в России может быть конкурсная аренда при многообразии форм собственности на землю, то есть сохранение государственной, частной (коллективной, коллективно-долевой, индивидуальной, смешанной и др.), предоставляя землю тем, кто лучше использует земли в соответствии с их назначением. При этом функции государства по регулированию земельных отношений определяются необходимостью рационального использования сельскохозяйственных угодий, прежде всего для обеспечения продовольственной независимости страны и улучшения социально-экономического положения селян.

Литература

1. Постановление Правительства РФ от 14.05.2021 N 731 (ред. от 16.03.2022) «О Государственной программе эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения и развития мелиоративного комплекса Российской Федерации». – Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/H0r3EQe7gpGEJvEtfACIXtnJ4-gt6Xpr2.pdf> (Дата обращения: 12.08.2023).
2. Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71572608/> (Дата обращения: 27.09.2023).
3. Архангельская Н., Матвеева А. Землю-матушку оптом и в розницу // Эксперт. – №6 (13-19 февраля 2006). – С.32-33.

4. Башмачников В. Ф. Фермерству в России быть: монография. - М: «Перо», 2019. - 608 с.
5. Богданова Татьяна. Чья в России земля? 5% сельхозугодий страны находятся в руках иностранцев. – Режим доступа: https://aif.ru/money/economy/chya_v_rossii_zemlya_5_selhozugodiy_strany_nahodyatsya_v_rukah_inostrancev (дата обращения: 27.09.2023).
6. Демина И. Межевание как способ присвоения земли // Республика Татарстан. – 2012.- 24 ноября.- С. 1,2.
7. Диалектическая логика / под ред. З.М. Оруджева, А.П. Шептулина. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986.- С. 176.
8. Емельянов А. Взаимодействие форм хозяйств в аграрной экономике // Вопросы экономики. 2003. №11. С. 130–131.
9. Законодательные проблемы противодействия незаконному завладению земельными долями// Землеустройство, кадастр и мониторинг земель. – 2008. – №6. – С.328-330.
10. Земля за рубежом: обзор вариантов и подводные камни. – Режим доступа: <https://zen.yandex.ru/media/id/5ca49620d677b400b3b8a98b/zemlia-za-rubejom-obzor-variantov-i-podvodnye-kamni-5daa1fd4c31e4900b11d6226> (дата обращения: 08.10.2023).
11. Львов Д.С. Концепция управления национальным имуществом. Научный доклад на заседании Президиума Российской академии наук 12 февраля 2002 г.// Экономическая наука современной России. – 2002. – №2(9). С. 5-24.
12. Ляликова А. Стоимость земель 20 крупнейших латифундистов России приблизилась к 1 трлн рублей. – Режим доступа: <https://www.forbes.ru/biznes/460727-20-kрупnejshih-zemlevladel-cev-rossii-2022-rejting-forbes> (Дата обращения: 04.10.2023).
13. Макаров А.Н. Государство и рынок в преодолении фрагментарности реализации земельной собственности/Государство и рынок: евразийская доминанта развития в условиях формирования многополярного мира: коллективная монография / под ред. д-ра экон. наук, проф. С.А. Дятлова, д-ра экон. наук, Д.Ю. Миропольского, д-ра экон. наук, проф. Т.А. Селищевой. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2023. – (632 с.) С. 153-163.
14. Макаров А.Н. Земельная собственность в России (вопросы методологии и теории)//Проблемы современной экономики. – 2007. – №2(22). – С.37–44.
15. Макаров А.Н. Земельная собственность и ее реализация. – М.: ТЕИС, 2007. – 369 с.
16. Макаров А.Н. Кризис реформы земельной собственности в России: причины, реалии и пути преодоления//Землеустройство, кадастр и мониторинг земель. – 2009. – №8. – С.23-31.
17. Макаров А.Н. О «новой» приватизации земельной собственности//Проблемы современной экономики. – 2023. – №3(87). – С.84-88.
18. Макаров А.Н. О парадоксах бессубъектной реализации земельной собственности и латифундиях, погубивших Рим. Часть 1 (политэкономические рефлексии)//Региональный экономический журнал. – 2020. – № 1(28). – С.22–57.
19. Макаров А.Н. О парадоксах бессубъектной реализации земельной собственности и латифундиях, погубивших Рим. Часть 2. (конструктивная позиция)//Региональный экономический журнал. – 2020. – № 2(29). – С.19-46.

20. Макаров А.Н. Угрозы и вызовы экономической безопасности реализации земельной собственности / Экономическая безопасность государства и бизнеса в условиях глобальной трансформации: монография / Под ред. И.В.Манаховой, А.А. Пороховского. – М.: Экономический факультет МГУ имени М.В.Ломоносова, 2023. – С.165-183.

21. Материалистическая диалектика как научная система /под ред. проф. А.П. Шептулина. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. – С.42-44.

22. Необходимость использования земель сельскохозяйственного назначения. Режим доступа: https://studbooks.net/2114274/ekonomika/neobhodimost_ispolzovaniya_zemel_selskohozyavstvennogo_paznacheniya (Дата обращения: 08.09.2023).

23. Никольский С.А. Аграрный курс России : Мировоззрение реформаторов и практика аграрных реформ в социально-историческом, экономическом и философском контекстах. – М. : Колос С, 2003.– 375 с.;

24. О продовольственной безопасности России. Доклад группы экспертов Изборского клуба под руководством академика РАН С.Ю. Глазьева. – Режим доступа: <http://izborsk-club.ru/content/articles/1725/> (дата обращения: 24.02.2021).

25. Отношения собственности в экономическом развитии/под ред. А.Н. Макарова, К.А. Хубиева, Э.Ф. Назмиева. – Казань - Набережные Челны.2007. – 408 с.

26. Плотников В. Будут ли отнимать заброшенную землю?// Аргументы и факты. - 2019. – №21. – С.4.

27. Полубота А. Российскую землю иностранцы скупают «по-черному» (Китайские, итальянские, шведские и датские компании контролируют уже миллионы гектаров российской пашни). – Режим доступа: <https://svpressa.ru/economy/article/52049/> (дата обращения: 24.02.2021).

28. Почему в России 70% зернового рынка в 2022 году контролировали иностранные компании и как это влияет на доходы отрасли. – Режим доступа: <https://dzen.ru/a/Y54MSwDE4nout-0Y> (Дата обращения: 11.04.2023).

29. Приемская Е. Обратная сторона земли: почему в России остаются невостребованными сельхозугодья. – Режим доступа: <https://iz.ru/978156/evgeniia-priemskaja/obrotnaia-storona-zemli-pochemu-v-rossii-ostaiutsia-nevostrebovannymi-selkhozugodia> (Дата обращения: 26.09.2023).

30. Реалии мировых цен на землю в разных странах мира. – Режим доступа: <https://www.justmedia.ru/news/russiaandworld/realii-mirovykh-tsen-na-zemlyu-v-raznykh-stranakh-mira> (Дата обращения: 04.10.2023).

31. Резников Л., Мелентьев А. К обоснованию леводемократической реформационной альтернативы // Российский экономический журнал. – 2004. – №7. – С.18.

32. Рейтинг отраслей по неравенству зарплат – 2023. – Режим доступа: <https://riarating.ru/infografika/20230403/630240047.html> (Дата обращения: 10.08.2023).

31. Сельская экономика: Учебник / под ред. проф. С.В. Киселева. – М.: ИНФРА-М, 2008. – С. 263–264.

33. Сколько в России пахотных земель сейчас и сколько было в прошлом? (Хозяева земли русской: как иностранцы скупили около 3 млн га сельхозугодий).- Режим доступа: <https://kapital-re.ru/stopmoshennik/skolko-v-rossii-pahotnyh-zemel-sejchas-i-skolko-bylo-v-proshlom> (Дата обращения: 12.08.2023).

34. Сколько стоит земля Евросоюза. – Режим доступа: <https://agroppravda.com/news/agrobiznes-life/11448-skolko-stoit-zemlja-v-stranah-evrosojuza> (Дата обращения: 04.10.2023).

35. Сухарев О.С. Институциональные проблемы обеспечения продовольственной безопасности России//Национальные интересы: приоритеты и безопасность России. – 2015. – №6 (291). – С.45-47.

36. Тимкив В. Госдума разрешила фермерам арендовать у государства сельхозземли без торгов.– Режим доступа: <https://ria.ru/20220706/selkhozzemli-1800710215.html> (Дата обращения: 05.08.2023).

37. Топ-20 землевладельцев России – 2022 (рейтинг Forbes). – Режим доступа: https://www.compromat.ru/page_43299.htm (Дата обращения: 08.10.2023).

38. Узун В.Я., Шагайда Н.И. Аграрная реформа в постсоветской России: механизмы и результаты//В.Я. Узун, Н.И. Шагайда. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. – С. 198–199.

39. Устюжанина Е.В. Институциональные изменения как способ развития отношений собственности // Введение в институциональную экономику: учеб. пособие / под ред. Д.С. Львова. – М.: Экономика, 2005. – С.263.

40. Филина О. Несбыточная межа//Огонек. – 2018. – №46 (3 декабря). – С.14-18.

41. Хубиев К.А., Макаров А.Н. Проблемы земельной реформы в России. – М.: ТЕИС, 2012. – 24 с.

42. Хубиев К.А., Теняков И.М. Создание внутренних источников экономического развития // Экономическое возрождение России. – 2023. – №1(75). – С.5–23.

43. Цены на земельный участок сельскохозяйственного назначения в 2020 году. – Режим доступа: <https://fomina-center.ru/tseny-zemelnyj-uchastok-selskohozyajstvennogo-naznachenija-v-2020-godu/> (дата обращения: 24.02.2021).

44. Чаблин А. Кто и за сколько скупает российскую землю (и где в стране самые дорогие сельхозугодья). – Режим доступа: <https://svpressa.ru/economy/article/166435/> (Дата обращения: 04.10.2023).

45. Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство: Избранные труды. – М.: Экономика, 1989. – С.143.

УДК 338.2

Todosiychuk A. V.,

Doctor of Economics, Professor, Chief Research Associate of the Center scientific and informational research on science, education and technology Institute of Scientific Information in Social Sciences of the RAS

Тодосийчук А. В.,

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра научно-информационных исследований по науке, образованию и технологиям Института научной информации по общественным наукам РАН

ФОРМИРОВАНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы развития научно-технологической сферы Российской Федерации, оценки соответствия научно-технического и инновационного потенциала, проводимой социально-экономической политики в области науки, технологий и инноваций, возможностям достижения стратегических целей научно-технологического развития. Приведены результаты сравнительного статистического анализа результативности научной, научно-технической и инновационной деятельности Российской Федерации и развитых стран мира, основных стратегических документов в области научно-технологического развития. Разработаны рекомендации по совершенствованию государственной политики в области научно-технологического развития, формирования эффективного хозяйственного механизма, способного обеспечить благоприятные условия для развития инновационного бизнеса, активизации процессов разработки, освоения и производства инновационной продукции (товаров, работ, услуг).

Ключевые слова: наука, технологии, инновационная деятельность, экономический рост, стратегия, интеллектуальный капитал, проекты и программы, научная дипломатия.

Введение. В соответствии с Указом Президента РФ от 28 февраля 2024 г. № 145 утвержден обновленный вариант Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации (далее – Стратегия НТР), в которой цель научно-технологического развития определена в обеспечении независимости и конкурентоспособности государства, достижении национальных целей развития и реализации стратегических национальных приоритетов путем создания эффективной системы наращивания и наиболее полного использования интеллектуального потенциала нации. В этой

связи следует отметить, что по данным доклада ООН «Human development report 2023/2024» по индексу человеческого развития в 2022 г. Россия заняла 56 место из 193 стран [1, р. 274]. В десятку лидеров глобального рейтинга по уровню человеческого развития вошли Швейцария, Норвегия, Исландия, Дания, Швеция, Германия, Ирландия, Австралия, Гонконг, Нидерланды. Как показал последующий анализ, страны с высоким индексом человеческого развития являются и мировыми научно-технологическими лидерами.

Для достижения поставленных в

стратегии НТР целей необходима эффективная государственная политика. В Стратегии НТР используется понятие «государственная политика в области научно-технологического развития». В Концепции технологического развития до 2030 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 20 мая 2023 г. № 1315-р используется понятие «технологическая политика». В этой связи следует отметить, что в настоящее время отсутствует законодательное обеспечение формирования и реализации государственной политики в области научно-технологического развития. В Федеральном законе от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» дано понятие «государственная научно-техническая политика», которая является составной частью государственной социально-экономической политики, разработан механизм ее формирования и реализации. Множественность толкований понятийного аппарата, по сути, в одной предметной области, порождает правовую неопределенность, какую политику мы реализуем, кто ответственный и т.п. Отсутствие единой государственной политики в области научно-технологического и инновационного развития наряду с другими факторами приводит к деградации технологической структуры экономики, к ее неспособности обеспечить расширенное воспроизводство конкурентоспособной научно-технической и инновационной продукции.

Анализ результатов проводимой государственной социально-экономической политики. Проводимая государственная социально-экономическая политика, в том числе научно-техническая политика не привели к росту результативности научной, научно-технической и инновационной деятельности, измене-

нию структуры и качества экономического роста на инновационной основе. В частности, по данным Росстата число поданных заявок на выдачу патентов на изобретения отечественными заявителями в 2022 году составило 18970 ед., что значительно меньше, чем в 2000 году – 23377 ед. В 2022 г. было разработано 2621 производственная технология, из которых только 307 (или 11,7% от общего их числа) признаны принципиально новыми [2, с. 65, с. 69]. Низкая результативность научной и научно-технической деятельности является одной из основных причин зависимости российской экономики от зарубежных технологий. Так, в 2021 г. на страны – члены ОЭСР приходилось 86% всего импорта технологий в РФ [2, с. 72].

Инновационная активность бизнеса также находится на низком уровне. Так, если в 2000 г. инновационную деятельность осуществляли 10,6% предприятий, то в 2022 г. примерно на том же уровне – 11,0%. Удельный вес инновационной продукции (товаров, работ, услуг) в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, оказанных услуг в 2000 г. составил 4,4%, а в 2022 г. – 5,1% [2, с. 74]. Анализ статистических данных о развитии научно-технической и инновационной сферы РФ за 2000–2022 гг. позволяет сделать вывод о том, что она обеспечивает только простое воспроизводство научной, научно-технической и инновационной продукции.

Низкая результативность научной, научно-технической и инновационной деятельности неизбежно отражается на месте страны в мире по уровню инновационного развития. По данным доклада «Global Innovation Index 2023. Innovation in the face uncertainty» среди 132 обследованных стран лидирующие позиции по уровню инновационной активности в

2023 г. занимали Швейцария, Швеция, США, Великобритания, Сингапур, Финляндия, Нидерланды, Германия, Дания, Республика Корея. Из стран – членов БРИКС Китай занимал 12 место, Индия – 40 место, Бразилия – 49 место, Россия – 51 место, ЮАР – 61 место [3, р. 19]. Для сравнения, в 2022 г. Россия занимала 47 место, то есть позиции страны в инновационной сфере в 2023 году ухудшились.

Несмотря на регулярно принимаемые на федеральном и региональном уровнях государственной власти меры по совершенствованию отдельных элементов действующего хозяйственного механизма (системы методов и моделей формирования и реализации государственной социально-экономической политики, управления научно-технологическим и инновационным развитием), наука так и не стала основной производительной силой, фактором преодоления кризисной ситуации в экономике [4]. Проведенный анализ Федерального закона от 24 июля 2023 г. № 329-ФЗ «Об исполнении федерального бюджета за 2022 год» свидетельствует о том, что удельный вес доходов от распоряжения правами на результаты научно-технической деятельности, а также доходы от распоряжения правами на результаты интеллектуальной деятельности военного, двойного и специального назначения, находящиеся в государственной и муниципальной собственности, составили 0,006% от доходной части федерального бюджета. Основным источником доходов федерального бюджета по-прежнему являются нефтегазовые доходы. По данным Минфина России в 2022 г. их удельный вес в доходной части составил

41,6%, в 2023 г. снизился до 30,3%¹. При этом объем денежной массы на 1 ноября 2023 г. по сравнению с 1 ноября 2022 г. увеличился на 20,5% [5, с. 174].

В Указах Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», Концепции технологического развития до 2030 года (далее – Концепция 2030), для преодоления технологического отставания от развитых стран и достижения технологического лидерства также поставлен ряд стратегических целей, которые должны быть достигнуты к 2030 году. В числе целевых показателей можно выделить следующие: обеспечение присутствия РФ в числе десяти ведущих стран мира по объему научных исследований и разработок (далее – НИР), в том числе за счет создания эффективной системы высшего образования; достижение «технологического суверенитета»; снижение коэффициента технологической зависимости в 2,5 раза; рост числа патентных заявок в 2,4 раза; рост уровня инновационной активности предприятий в 2,3 раза; рост затрат на инновационную деятельность (в сопоставимых ценах) в 1,5 раза; рост объема инновационной продукции (в сопоставимых ценах) в 1,9 раза.

Для достижения указанных стратегических целей потребуются инновационное обновление самого хозяйственного механизма, способного радикально улучшить условия деятельности бизнеса с целью повысить его мотивацию, обес-

¹

<https://minfin.gov.ru/ru/statistics/fedbud/execute/> (дата обращения 12.04.2024)

печить необходимыми ресурсами для разработки и внедрения результатов НИР в хозяйственную практику, создавать и развивать рынки научно-технической и инновационной продукции.

Анализ потенциальных возможностей достижения стратегических целей научно-технологического развития. Для достижения стратегических целей научно-технологического развития страна должна обладать мощным научно-техническим и инновационным потенциалом. Его количественные и качественные характеристики во многом зависят от объема и структуры финансирования НИР и инноваций за счет бюджетных и внебюджетных средств. По данным Росстата удельный вес внутренних затрат на НИР в РФ снизился с 1,05% от ВВП в 2000 г. до 0,94% от ВВП в 2022 г. [2, с. 38]. В этой связи следует отметить, что в соответствии с Указом Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» Правительству РФ поручено обеспечить увеличение к 2015 г. внутренних затрат на НИР до 1,77% от ВВП. Указом Президента РФ от 1 декабря 2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» было рекомендовано обеспечить поэтапное увеличение затрат на НИР и доведения их до уровня не менее 2,0% от ВВП, включая пропорциональный рост частных инвестиций, уровень которых к 2035 году должен быть не ниже государственных. Указанная задача была продублирована Указом Президента РФ от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». Опыт управления наукой в РФ показал, что одними только командными рычагами не удастся увеличить удельный вес

внутренних затрат на НИР выше 1% от ВВП. В развитых странах мира удельный вес внутренних затрат на НИР составляет порядка 2,5 – 4,7% от ВВП, причем основной вклад приходится на предпринимательский сектор экономики, который заинтересован в науке и инновациях.

Вследствие недофинансирования науки значительная часть научно-технической сферы пребывает в стагнации. В частности, по данным Росстата за январь – октябрь 2023 г. доля убыточных организаций ведущих НИР, от общего числа таких организаций, составила 47,2% [5, с. 157]. Иными словами, примерно половина таких организаций не в состоянии реализовать намеченные планы НИР, осуществить достижение поставленных целей научно-технологического развития.

Анализ динамики кадрового потенциала российской науки свидетельствует о том, что на протяжении последних десятилетий происходит ежегодное снижение численности персонала, занятого выполнением НИР. По данным Росстата численность исследователей ежегодно снижалась с 425,4 тыс. чел. в 2000 г. до 340,6 тыс. чел. – в 2022 г. [2, с. 23]. В развитых странах мира численность научных работников наоборот, ежегодно растет [2, с. 27]. В качестве основных причин снижения численности исследователей можно назвать низкий уровень оплаты труда, отсутствие ясных перспектив карьерного роста, особенно для молодежи.

Развитие науки требует надлежащего материально-технического оснащения. По данным Росстата, в 2022 году уровень износа основных фондов по виду экономической деятельности «Научные исследования и разработки» составил 52,4%, в том числе машин оборудования

– 63,6%². В процессе обновления материально-технической базы российской науки следует иметь в виду ее высокую зависимость от импортного оборудования и приборов. По данным проведенного в 2022 году опроса, 60% российских исследователей указывали на высокую зависимость от зарубежного оборудования – его доля составляет 80%. Около половины исследователей в разной степени отмечали неудовлетворенность текущей обеспеченностью приборной базой [6]. Возможности оперативно заместить используемые зарубежные приборы имеющимися российскими аналогами, иностранными аналогами, происходящими из «дружественных» государств исследователями оцениваются невысоко.

Низкая инновационная активность промышленных предприятий во многом объясняется высоким уровнем износа основных фондов, отсутствием перспективных технологий и др. Как отмечено в Концепции–2030, в стране происходит технологическая деградация производственных систем в широком круге отраслей, которая вызвана, в том числе тем, что 75% инвестиций в машины и оборудование относились к их импорту на территорию РФ из развитых стран, что делает технически невозможной реализацию ряда инвестиционных проектов в условиях санкционных ограничений.

Анализ состояния научно-технического и инновационного потенциала свидетельствует о несоответствии его «мощности» для достижения поставленных стратегических целей научно-технологического развития. Очевидно, что

такое положение дел требует его модернизации на новой технологической основе, в основном опираясь на собственные научно-технологические заделы в условиях ограничения доступа к зарубежным технологиям.

Анализ основных мер государственной поддержки достижения целей научно-технологического развития. Стратегические цели поставлены масштабные. А как же обстоят дела с финансовым обеспечением, необходимым для их достижения? Основным инструментом реализации Стратегии НТР является государственная программа «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» (далее – ГП НТР), утвержденная Постановлением Правительства РФ от 29 марта 2019 г. № 377. В соответствии с Федеральным законом от 27 ноября 2023 г. № 540-ФЗ «О федеральном бюджете на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов» (далее – Закон № 540-ФЗ) на реализацию ГП НТР предусмотрены бюджетные ассигнования в следующих размерах: в 2024 г. – 1 380,3 млрд руб., в 2025 г. – 1 180,8 млрд руб. и в 2026 г. – 1 349,5 млрд руб. Анализ структуры ГП НТР свидетельствует о том, что она представляет собой в основном набор собой научных, образовательных, инфраструктурных и иных проектов и мероприятий. Основные расходы на реализацию ГП НТР в 2024 – 2026 гг. направляются в сектор высшего образования на выполнение комплекса процессных мероприятий «Реализация образовательных программ высшего образования»: в 2024 г. – 488,9 млрд руб., в 2025 г. – 518,7 млрд руб. и в 2026 г. – 592,8 млрд руб.

В соответствии с Законом № 540-ФЗ расходы на выполнение НИР гражданского назначения в 2024–2026 гг. запланированы в следующих размерах: в 2024 г. – 557,1 млрд руб., 2025 г. – 436,2 млрд

2

https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/St_izn_of_ved.xlsx (дата обращения 12.04.2024)

руб., 2026 г. – 504,4 млрд руб. В процентах от ВВП страны расходы на гражданскую науку составят: 2024 г. – 0,31%, 2025 г. – 0,22%, 2026 г. – 0,25%. В этой связи следует отметить, что средств выделено даже меньше, чем это было предусмотрено Федеральным законом от 5 декабря 2022 г. № 466-ФЗ «О федеральном бюджете на 2023 год и плановый период 2024 и 2025 годов» в текущих ценах соответствующих лет (без учета инфляции и девальвации рубля).

Очевидно, что выделенных бюджетных средств на фоне индифферентности предпринимательского сектора к науке явно недостаточно для проведения НИР по широкому спектру направлений, а также для обеспечения присутствия РФ в числе десяти ведущих стран мира по объему научных исследований и разработок, в том числе за счет создания эффективной системы высшего образования.

О разработке государственной политики в области научно-технологического развития. В соответствии с поручением Президента РФ от 25 марта 2024 г. № Пр-564, п.2 а) Правительству Российской Федерации при участии Комиссии по научно-технологическому развитию Российской Федерации поручено определить меры организационного, нормативно-правового и методического характера, необходимые для реализации Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, и обеспечить их выполнение. На мой взгляд, такие меры должны включать в себя проекты по совершенствованию законодательного обеспечения государственной политики в области научно-технологического развития, а также организационного механизма ее реализации. В целях предотвращения дальнейшего отставания РФ по уровню научно-технологического развития от раз-

витых стран необходимо модернизировать на инновационной основе действующий хозяйственный механизм, включая его правовую основу. В этой связи, прежде всего, необходимо сформировать полноценную нормативную правовую базу, регулирующую научную, научно-техническую, научно-технологическую и инновационную деятельность, обеспечивающую реализацию научных, научно-технических, научно-технологических и инновационных проектов.

В настоящее время в РФ действует ряд федеральных законов, которые регулируют научную, научно-техническую, инновационную и научно-технологическую деятельность. Понятийный аппарат научной, научно-технической и инновационной деятельности приведен в Федеральном законе от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (далее – Закон № 127-ФЗ). Обратим внимание на понятие «инновационная деятельность». В статье 2 Закона № 127-ФЗ под инновационной деятельностью понимается деятельность (включая научную, технологическую, организационную, финансовую и коммерческую деятельность), направленная на реализацию инновационных проектов, а также на создание инновационной инфраструктуры и обеспечение ее деятельности. Такое определение понятия «инновационная деятельность» включает в себя все виды деятельности, обеспечивающие реализацию проектов полного инновационного цикла. В статье 2 Федерального закона от 29 июля 2017 г. № 216-ФЗ «Об инновационных научно-технологических центрах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 216-ФЗ) под научно-технологической деятельностью

понимается научная (научно-исследовательская), научно-техническая и инновационная деятельность, выполнение исследований и разработок, реализация научных и (или) научно-технических проектов, использование полученных научных и (или) научно-технических результатов, результатов интеллектуальной деятельности, в том числе их коммерциализация, по направлениям, определенным в решении о создании инновационного научно-технологического центра в соответствии с приоритетами научно-технологического развития РФ. Сравнительный анализ свидетельствует о том, что понятие «научно-технологическая деятельность», приведенное в законе № 216-ФЗ, включает в себя инновационную деятельность, что не согласуется базовым Законом № 127-ФЗ.

Очевидно, что необходимо разработать единый базовый федеральный закон, например «О научной, научно-технологической и инновационной деятельности в Российской Федерации», в котором изложить понятийный аппарат научной, научно-технической, научно-технологической и инновационной деятельности, исключающий двойное толкование понятий в различных федеральных законах. В указанном федеральном законе также необходимо закрепить понятие «государственная политика в области научно-технологического развития», определить порядок ее формирования и реализации, полномочия органов государственной власти РФ и органов государственной власти субъектов РФ в области государственной поддержки научно-технологического и инновационного развития. Одновременно с федеральным законом «О научной, научно-технологической и инновационной деятельности в Российской Федерации» необходимо внести изменения в бюджет-

ное, налоговое, трудовое законодательство, в законодательство закупках товаров, работ и услуг для государственных нужд. Это позволит вести планирование и учет бюджетных расходов на осуществление проектов и мероприятий научно-технологического развития, предоставлять налоговые льготы субъектам научно-технологической деятельности, вести официальную статистику по всем параметрам и т.п.

Нуждается в дальнейшей реструктуризации и модернизации государственная программа «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» для достижения поставленных стратегических целей. Новая ГП НТР должна представлять собой комплекс научных, научно-технических и инновационных проектов. В рамках ГП НТР необходимо дополнительно включить подпрограммы «Развитие инвестиционного машиностроения для научно-технологической сферы», «Развитие научного приборостроения», «Кадровое обеспечение научно-технологической сферы», реализация которых позволит обеспечить коренное обновление материально-технической базы науки и производственного сектора экономики в сжатые сроки, обеспечить реализацию научных, научно-технических и инновационных проектов квалифицированными кадрами. По моим оценкам, основанным на методологических подходах, изложенных в работе [7], для достижения целей научно-технологического развития ежегодный размер затрат на реализацию обновленной ГП НТР должен быть не менее чем в 3-5 раз выше запланированных Законом № 540-ФЗ, с ежегодным темпом прироста не менее 15 – 17%, что потребует существенной реструктуризации федерального бюджета в пользу инвестиций в науку, интеллектуальный капитал.

При разработке государственной

политики в области научно-технологического развития наряду с реализацией проектов по достижению «технологического суверенитета» необходимо также развивать международное сотрудничество в научно-технологической сфере со странами, обладающими высоким научно-техническим потенциалом. В первую очередь приоритетными направлениями такого сотрудничества должны стать проекты, охватывающие полный инновационный цикл: от фундаментальных научных исследований до производства и реализации принципиально новой высокотехнологичной продукции. Очевидно, что в данном случае целесообразно использовать опыт Российской академии наук в развитии научной дипломатии.

Для создания благоприятных условий ведения инновационного бизнеса большое внимание должно уделяться экономическим методам управления научно-технологическим развитием, в частности, путем совершенствования налоговой системы, которая в настоящее время имеет в основном фискальный характер. Проведенный автором анализ структуры доходов федерального бюджета за январь – октябрь 2023 г. свидетельствует о том, что наибольший удельный вес в составе общего объема доходов занимали налоговые доходы: налоги и сборы и регулярные платежи за пользование природными ресурсами – 38,3%, НДС – 40,4% (в том числе НДС внутренний – 24,7%, НДС ввозной – 15,7%), налог на прибыль – 6,7% [5, с. 146-147]. Как видно из представленной структуры налоговых доходов, вклад налога на прибыль является незначительным по причине низкой рентабельности отечественного бизнеса. Очевидно, что необходимо модернизировать действующий Налоговый кодекс РФ с целью стимулирования хозяйствующих

субъектов развивать рискованный, но впоследствии прибыльный инновационный бизнес, реинвестировать полученную им прибыль в дальнейшее развитие науки и инноваций. При имеющейся в стране структуре налоговых доходов представляется целесообразным предоставить инновационным предприятиям налоговые и иные льготы, аналогичные тем, которые установлены для резидентов инновационного центра «Сколково», в том числе: а) освобождение от уплаты НДС, налога на имущество организаций и земельного налога; б) снижение на 50 - 70 % ставки налога на прибыль и страховых отчислений, взимаемых с фонда оплаты труда, включая взносы в Пенсионный фонд РФ; в) отмена ввозных таможенных пошлин и иных обязательных платежей на оборудование, материалы и комплектующие, программное обеспечение и иные объекты интеллектуальной собственности, используемые для ведения научно-исследовательской, опытно-конструкторской и технологической деятельности; г) снижение вывозных таможенных пошлин и иных обязательных платежей на экспорт создаваемой данными предприятиями научно-технической и инновационной продукции.

В условиях дефицита собственных средств инновационные предприятия остро нуждаются в кредитных ресурсах. Однако в условиях турбулентности в экономике, о чем свидетельствует резкая и непредсказуемая девальвация курса рубля, динамика роста значений учетной ставки Центрального банка РФ в 2022-2023 гг. с 7,5% до 16,0%, непрерывный рост цен и др., кредиты коммерческих банков стали недоступными для стимулирования проектов научно-технологического развития даже на краткосрочную перспективу, не говоря уже о кре-

дитовании радикальных инновационных проектов с длительным жизненным циклом. Очевидно, что в таких условиях целесообразно устанавливать для банковского сектора различные налоговые льготы и преференции, осуществлять страхование рисков при кредитовании и (или) софинансировании инновационного бизнеса.

Формирование на федеральном и региональных уровнях эффективной государственной политики в области научно-технологического развития позволит создать благоприятные условия для развития инновационного бизнеса. В научной литературе для развивающихся стран, реализующих стратегию догоняющего развития, к которым относится и Россия, предлагается использовать теорию «технологических скачков», т.е. перехода с текущего N-го этапа научно-технологического развития на этап N+2 минуя этап N+1. Обзор литературы на эту тему содержится в работе [8]. Для обеспечения «технологического скачка» необходимо наличие достаточно развитого научно-технического и инновационного потенциала предприятий. Поскольку «технологический скачок» является достаточно дорогостоящим проектом, особую значимость имеет финансовая поддержка со стороны государства и созданных им институтов инновационного развития.

Для значительной части российских промышленных предприятий и научных организаций реализация стратегии «технологического скачка» является маловероятной, поскольку научный сектор по большинству направлений утратил способность быть источником радикальных инноваций по причине деградации научно-технического потенциала, а производственный сектор – утратил способность к их освоению по причине деградации инновационного потенциала. В

этой связи необходимо на основе дополнительного статистического и экспертного исследования определить конкретный перечень таких предприятий и организаций, способных обеспечить реализацию важнейших инновационных проектов государственного значения на базе принципиально новых технологий, не имеющих мировых аналогов.

В заключение следует отметить, что в нынешней ситуации РФ необходимо одновременно решать две задачи: восстановление и развитие научно-технического потенциала по сути дела на собственной научно-технологической основе, способного стать источником радикальных инноваций; восстановление и развитие инновационного потенциала предприятий, способных в экзогенно заданные рынком и темпами мирового научно-технического прогресса время осуществить внедрение, производство и сбыт инновационной продукции. Вероятность достижения поставленных стратегических целей научно-технологического развития, вхождение Российской Федерации в число развитых стран во многом будет зависеть от качества проводимой государственной социально-экономической политики, включающей научно-техническую, научно-технологическую, инновационную и промышленную политику, а также инновационного хозяйственного механизма, способного создать благоприятные условия для повышения конкурентоспособности экономики на основе ускорения процессов разработки, освоения, внедрения и распространения принципиально новой продукции (товаров, работ, услуг), радикально меняющих рынки сбыта, производственно-технологические системы, структуру инновационно ориентированного экономического роста и доходной части консолидированного бюджета, уровень и качество жизни населения.

Литература

1. Human development report 2023/2024 //URL: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/global-report-document/hdr2023-24reporten.pdf> (accessed: 16.03.2024)
2. Наука. Технологии. Инновации: 2024: краткий статистический сборник / В.В. Власова, Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: ИСИЭЗ ВШЭ. 2024. 104 с. [Science. Technologies. Innovations: 2024 : a brief statistical collection / V.V. Vlasova, L.M. Gokhberg, K.A. Ditkovsky, etc.; National research. Higher School of Economics Univ., Moscow: ISIEZ HSE. 2024. 104 p. (In Russ.)]
3. Global Innovation Index 2023. Innovation in the face uncertaintyhttps16th Edition. WIPO. 2023://URL: https://www.wipo.int/global_innovation_index/ru/2023/ (accessed: 23.01.2024).
4. Тодосийчук А.В. Организация стратегического управления научно-технологическим развитием//Экономические стратегии. 2023. Том 25. № 5 (191). С. 72 - 77. [Todosiichuk A.V. Organization of strategic management of scientific and technological development//Economic strategies. 2023. Vol. 25. No. 5 (191). Pp. 72-77. (In Russ.)] DOI: 10.33917/es-5.191.2023.72-77.
5. Социально-экономическое положение России. 2023. № 11. 318 с.[The socio-economic situation of Russia. 2023. No. 11. 318 p. (In Russ.)]
6. Гусев А.Б., Салицкая Е.А., Юревич М.А. Несуверенность приборной базы российской науки: масштаб и перспективы импортозамещения в оценках исследователей//Управление наукой: теория и практика. 2023. Том 5. № 1. С. 14 – 32. [Gusev A.B., Salitskaya E.A., Yurevich M.A. Lack of confidence in the instrument base of Russian science: the scale and prospects of import substitution in the estimates of researchers//Management of science: theory and practice. 2023. Vol. 5. No. 1. Pp. 14 – 32. (In Russ.)] DOI: 10.19181/sntp.2023.5.1.1.
7. Тодосийчук А.В. О прогнозировании влияния человеческого капитала на экономический рост // Инвестиции в России. 2020. № 3(302). С. 3-10. [Todosiychuk A.V. On forecasting the impact of human capital on economic growth // Investments in Russia. 2020. No. 3(302). Pp. 3-10 (In Russ.)]
8. Дежина И.Г., Егеров С.В. Технологические скачки: теория и международные практики//Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. Том 15. № 3. С. 6 – 23. [Dezhina I.G., Egerev S.V. Technological leaps: theory and international practices//Contours of global transformations: politics, economics, law. 2022. Vol. 15. No. 3. Pp. 6-23. (In Russ.)] DOI: 10.31249/kgf/2022.03.01.

Nazmiev E. F.,
Candidate of Economic Sciences, Deputy Editor-in-Chief of the Regional Economic Journal

Назмиев Э. Ф.,
кандидат экономических наук, заместитель главного редактора Регионального экономического журнала

УДК 334.021.1

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЛИДАРИЗМ: ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ МЕХАНИЗМА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Аннотация: В Конституции России заложены нормы экономической, политической и социальной солидарности, которые могут стать основой для построения социально ориентированного механизма функционирования отечественной экономики. Широкое распространение «народных предприятий», стимулирование их деятельности может стать главным институтом экономики солидаризма.

Ключевые слова: экономическая солидарность, солидаризм, народные предприятия, экономический механизм, хозяйственный механизм, государственное регулирование, согласование интересов.

Социально-экономическое развитие России, как и изменения, происходящие во всём мире, создают новую картину современности. То, что ещё 30 лет назад казалось невозможным (официальное избавление от доллара и параллельный импорт, вытеснение Россией Германии с 5-го места по паритету покупательной способности и др.) стало обыденным. Происходящие события и изменения будут осмысливаться ещё долгие годы. Однако теперь становится очевидным, что руководство страны имело определенные представления о возможных изменениях, в связи с которыми были приняты решения, ставшие опорой для последовательной реализации собственной международной и внутренней политики. В первую очередь, речь идёт о поправках в Конституцию страны, принятых в 2020 году. Например, о защите своего суверенитета и территориальной целостности (п. 2.1. статьи 67); об исторической памяти, традиционных ценностях (статья 67.7); о культуре и её защите (ст. 68 и ст. 69); о публичной власти (ст. 71); запрет на иностранное гражданство и

владение зарубежными счетами для ряда должностных лиц (ст. 78, ст. 95, ст. 97); не подлежащие исполнению международных договоров, противоречащих Конституции России (ст. 79) и др. [1].

Большим потенциалом для целеполагания социально-экономического развития России и механизма его достижения обладают нормы статьи 75.1 Конституции России, согласно которой обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность³. Данную норму можно представить в качестве концепта солидаризма, который раскрывается через гуманистическую природу солидарности, исключающую как неограниченность публичного вме-

³ К настоящему времени в России «в определенном смысле понятия «солидаризм» и «солидарный» стали антонимами». Подробный разбор оригинального (в русской интерпретации) значения понятий «солидарность» и «солидарный» см. в [20].

шательства в частную жизнь и подавление индивидуальной автономии, так и искажение существа основных прав и свобод воинствующим индивидуализмом [2, с. 59]. В своём аналитическом документе Конституционный суд рассмотрел актуальные конституционно-правовые аспекты обеспечения экономической, политической и социальной солидарности. В тексте документа подробно рассматриваются принятые Конституционным Судом решения, обеспечивающие экономическую, политическую и социальную солидарность. Рассмотрим аспекты реализации принципа солидаризма, которые охватывают экономические отношения.

1. Экономическая солидарность. Юридически регулирует такие экономические факторы, как труд (согласование несовпадающих интересов работника и работодателя; жизнь и здоровье человека; расчет минимальной заработной платы и др.), земля и капитал (экология; распоряжение имуществом и др.). Обеспечение доступа российского потребителя к важным, жизненно необходимым товарам (например, отдельные категории лекарственных средств, оборудование для жизнеобеспечения населения и т.д.), что стало условием для введения параллельного импорта.

2. Политическая солидарность. Взаимодействие государства и гражданского общества. Тем самым политический солидаризм укрепляет общественные институты (экспертное сообщество, общественные объединения, публичные слушания, электронное правительство, общественные платформы, агентство стратегических инициатив, социальные лифты и т.п.).

3. Социальная солидарность. Юридически регулирует экономический фактор «труд» (улучшение демографиче-

ской ситуации путем стимулирования рождаемости, социальное обслуживание и т.п.). Направлена на преодоление конституционно неприемлемых последствий поляризации доходов. Как и экономическая и политическая солидарность, социальная солидарность тесно переплетена с различными аспектами конституционного принципа «солидарность».

Конституционный принцип солидаризма регулирует отношения в базовых факторах производства (труд, земля, капитал). Экономическая солидарность, как и политическая и социальная, здесь представляется как механизм формирования «ценностно-приемлемого соотношения индивидуальной свободы и социального долга, равновесия между частными и публичными интересами, между отдельными частными интересами, а также между отдельными публичными интересами» [2, с. 6], который может быть основой для построения экономики солидарности в России.

В этой связи можно согласиться с тем, что ключевой проблематикой для солидаризма является соотношение «я» и «мы». Фактически это единственная идеология, которая пытается уравновесить индивидуализм личности и интерес общества как целого. Тогда как либерализм отстаивает приоритетность интересов индивида, а социализм и тоталитарные идеологии XX в. – приоритет общего интереса [3, с.49].

Идеи солидаризма были предметом обсуждения как отечественных, так и зарубежных ученых. Делая обзор теорий солидаризма отметим, что один из этапов его развития указывает на то, что солидаризм возникает как ответ на популярные в XIX в. идеи коммунизма и социализма, проповедовавшие классовую борьбу. Сторонники и теоретики солидаризма (Ш. Ренувье, Л. Буржуа и

др.) пытались обосновать, что движущей общественной силой является общность интересов, совместная ответственность и стремились не к обострению классово-иной борьбы, а, наоборот, к гармонизации общества насколько это возможно [4, с. 11].

Изучение литературы по заданной теме, показало, что можно условно определить два основных направления понимания экономики солидаризма: с опорой на стадию «распределение» хозяйственного механизма экономики и с опорой на стадию «производство».

В первом случае, солидаризм представляется как организованная в некую систему благотворительность. «Доктрина, называемая солидаризмом, была создана с тем, чтобы дать основу долгу благотворительности уже не в виде милосердия или любви, как чувств субъективных и свободных, а в виде идеи, научного и рационального принципа, способного обосновать вмешательство общественной силы» [5, с. 179]

Тем самым при реализации такой концепции больший упор будет сделан на социальные налоги, социальные программы. К группе можно отнести и так называемые «социальные» налоги, поступающие в Социальный фонд России, а также источники через которые финансируются различные социальные проекты. Например, «Пушкинская карта» или «Круг добра» (финансируется из средств от повышения налоговой ставки на доходы физических лиц, которые превышают 5 млн руб. в год) и другие проекты. Аналогичные схемы финансирования есть и за рубежом. Например, после объединения Восточной и Западной Германии был введен налог на солидарность в размере 7,5% дополнительной налоговой нагрузки на физических и юридических лиц. В Италии в 2012 году был введен налог на солидар-

ность с целью стабилизации пенсионной системы. Его величина составила 3% на доходы, превышающие 300 тыс. евро в год, для физического лица. Что то схожее есть в Чехии и Франции [6, с. 82-83].

Во втором случае, когда экономика солидаризма раскрывается на стадии «производство», тогда она сдвинута к экономической деятельности отдельных предприятий. Например, лауреат Нобелевской премии 2009 г. по экономике Э. Остром, доказала, что самоуправляемые сообщества могут эффективно развиваться на протяжении длительного времени. Реальные факты многолетнего успешного существования действующей модели, на основе которой создавались нормальные условия функционирования системы общих ресурсов, представленные и теоретически обобщенные Э. Остром, стали примером работы стабильных саморегулирующихся институтов [7].

В данном случае мы наблюдаем воплощение экономической солидарности в так называемых самоуправляемых предприятиях или как они еще могут называться – народные предприятия. Некоторое время назад в России уделялось большое внимание подобным экономическим институтам. В феврале 2005 года была сформирована секция по развитию народных предприятий в рамках Комитета Совета Федерации по вопросам местного самоуправления, которая была призвана помочь народным предприятиям в решении многих проблем, в том числе законодательного и информационного характера. На перспективы самоуправляемых предприятий для наиболее эффективного использования потенциала труда, техники, знаний указывают ряд отечественных ученых и политиков [8-10 и др.].

В чистом виде «народное предприятие» достаточно редкое явление, как в отечественной, так и в зарубежной прак-

тике: порядка 200 в России и порядка 2000 по всему миру. В России, например, это ЗАОр «Народное предприятие Набережночелнинский картонно-бумажный комбинат им. С.П. Титова», поставляющее туалетную бумагу во многие регионы России и ближнего зарубежья [11]. Среди зарубежных компаний всем известна корпорация «Хуавей», которая позиционирует себя как «народное предприятие». В конце 2019 года «Хуавей» находился в полной собственности 104572 сотрудников (из общего количества в 194 000 человек), включая Жэнь Чжэнфэй. «Хуавей» владеет холдинговая компания «Huawei Investment & Holding», у которой 2 акционера: Жэнь Чжэнфэй, владеющий 0,94 процентами акций, и организация под названием «Union of Huawei Investment & Holding», владеющая остальными 99,06 процентами акций от лица сотрудников, имеющих право на получение акций [12].

В России и за рубежом имеются и другие возможности согласования интересов работника и работодателя в части распределения полученной прибыли. Например, на западе существуют инициативы по распределению акций среди сотрудников низшего звена в виде плана наделения акциями работников (employee stock ownership plan, ESOP), или Ownership Works, миссия которой заключается в повышении благосостояния за счет долевой собственности на рабочем месте (Ownership Works is on a mission to increase prosperity through shared ownership⁴) [13].

В России подобный инструмент поощрения и стимулирования сотрудников появился в 2015 году (ФЗ от 8 марта

2015 г. №42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации»). Он представляет собой механизм, по которому компания-работодатель передает часть доли в уставном капитале ООО (или часть акций в АО, ПАО) под определенным условием либо выплачивает некое вознаграждение взамен передачи в собственность доли [14].

Также возможность достижения «равновесия между частными и публичными интересами, между отдельными частными интересами, а также между отдельными публичными интересами» предполагают такие институты, как система государственного и муниципального частного партнерства (ГЧП и МЧП), проекты концессионных соглашений и Соглашение о защите и поощрении капиталовложений (СЗПК) [15].

Рассматривая возможности формирования и функционирования солидарной экономики, нельзя не учитывать роль государства в этом процессе. Справедливость экономического солидаризма в том, что обычный работник получает часть прибавочной стоимости. То есть прибыль не локализуется в руках нескольких владельцев, которые получают «сверхдоходы за счет эксплуатации трудящихся масс». В этой связи можно предположить, что государственные компании ближе к состоянию экономического солидаризма, чем частные, в виду того, что прибыль уходит в казну государства и далее перераспределяется через бюджет в общих, а не индивидуальных интересах.

Но это не значит, что усиление государственного сектора станет залогом построения солидарной экономики. Так как механизм распределения прибавочной стоимости и на государственных и на частных компаниях один: работники

⁴ Ownership Works is on a mission to increase prosperity through shared ownership at work. <https://ownershipworks.org/our-impact/>

отстранены от её распределения. Кроме того, солидарная экономика эта экономика, основанная на справедливом распределении трудовых обязанностей и получения дохода не только от деятельности своего предприятия, но и от общей государственной собственности. То есть в экономике солидаризма определено ведущее место человека не только в системе разделения труда, но и в системе отношений собственности [16, 462-463].

В заключительной части отметим, что отечественные (впрочем, как и зарубежные) экономисты находятся в поиске оптимальной для обычного человека экономической модели или модели построения общества [16-20 и др.]. Со своей стороны государство делает некоторые шаги в их осуществлении (например, национализация, дедолларизация и др). Кроме того, отечественными учеными-экономистами разработаны основы политической экономии солидаризма. Но, как правило, представленные концепции рассматривают макроэкономический уровень или вводят экономические институты, вероятно важные, но ранее неизвестные, например, ССП – солидарное владение гражданами конкретного государства (например, России) ключевыми национальными активами [20]. Очевидно, что внедрение по-

добных институтов и моделей в экономику будет сопряжено с подготовкой большого количества нормативно-правовой базы, которую ещё придётся разрабатывать практически с нуля, кроме того, это приведёт к значительному изменению системы государственного регулирования экономики.

Однако со многими положениями подобных теорий нельзя не согласиться, ведь они направлены на улучшение жизни в стране. Вместе с тем, непосредственную реализацию действий в том направлении можно было бы начать с трансформации малых величин – предприятий. В этой связи, видится целесообразным в процессе национализации (перевода частных компаний в государственные) использовать модель «народное предприятие», в которой работник не только получает заработную плату, но и в его пользу распределяется часть созданной прибавочной стоимости (прибыли). Очевидно, что необходимо доработать нормативно-правовую базу для реализации такого подхода, но это сравнительно посильная задача, которая не вызовет сильного изменения существующих общих правил регулирования экономики. Таким образом, первые шаги в создании солидарного общества могут состоять в процессе повышения роли народных предприятий в экономике.

Литература

1. <http://duma.gov.ru/media/files/WRg3wDzAk8hRCRoZ3QUGbz84pI0ppmjF.pdf> (дата обращения: 07.04.2024)
2. Актуальные конституционно-правовые аспекты обеспечения экономической, политической и социальной солидарности: к 30-летию Конституции Российской Федерации (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2020–2023 годов). Одобрено решением Конституционного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2023 года. СПб, 2023, 60 с.
3. Окара А.Н. Солидаризм: забытая идеология XXI в // Полит. наука. 2013. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/solidarizm-zabytaya-ideologiya-xxi-v> (дата обращения: 07.04.2024)

4. Измерение степени ценностной солидаризации и уровня общественного доверия в российском обществе Аналитический обзор по результатам анализа вторичных источников (версия 2 от 4.12.18). АНО «Социологическая мастерская Задорина» (Исследовательская группа ЦИРКОН). М.: Циркон, 2018, 81 с.

5. Бугле С. Солидаризм. Глава первая: истоки (Перевод с франц. яз.) // Социальная солидарность и альтруизм: социологическая традиция и современные междисциплинарные исследования. 2014. №2014. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/solidarizm-glava-pervaya-istoki-perevod-s-frants-yaz> (дата обращения: 07.04.2024)

6. Саудаханов М. В. Социальная солидарность как юридическая конструкция // Образование. Наука. Научные кадры. 2021. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-solidarnost-kak-yuridicheskaya-konstruktsiya> (дата обращения: 09.04.2024)

7. Сауткина В.А. Возрождение солидарной экономики: попытка реализации утопии или реальная мотивация к развитию? с. 90 // Мировая экономика и международные отношения, 2017, том 61, № 1, с. 88-96

8. <http://council.gov.ru/events/news/24558/>

9. Интернет-портал «Российской газеты» от 17.02.2016. <https://rg.ru/2016/02/17/pavel-dorohin-v-rossii-neobhodimo-razvivat-narodnye-predpriiatia.html> (дата обращения: 07.04.2024)

10. <https://kleiner.ru/narodnyie-predpriyatiya-nadezhda-rossii/> (дата обращения: 07.04.2024)

11. <http://nkbk.ru/about/o-kombinate/> (дата обращения: 07.04.2024)

12. <https://aftershock.news/?q=node/1203734&full> (дата обращения: 07.04.2024)

13. <https://quote.rbc.ru/news/article/6361063a9a7947551658efc0?ysclid=lvmertf04f111533934&from=copy> (дата обращения: 07.04.2024)

14. <https://www.garant.ru/ia/opinion/author/toplakalcyan/1661966/?ysclid=lvmes442cm52916187> (дата обращения: 07.04.2024)

15. Федеральный закон от 01.04.2020 № 69-ФЗ (ред. от 28.06.2022) «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации»

16. Бузгалин А.В., Колганов А. Глобальный капитал. В 2-х тт. Т. 2. Теория. Глобальная гегемония капитала и ее пределы («Капитал» re-loaded). Издание 3-е, испр. и сущ. доп. М.: ЛЕНАНД, 2015. – 904 с.

17. Губанов С.С. Неоиндустриальная модель развития и её системный алгоритм // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. №3 (33). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neoindustrialnaya-model-razvitiya-i-eyo-sistemnyy-algoritm> (дата обращения: 04.05.2024).

18. Теняков И.М., Хубиев К.А., Эпштейн Д.Б., Заздравных А.В. (2022). Альтернативы стагнации российской экономики: новый геополитэкономический контекст. TerraEconomicus20(2), 40–58. DOI: 10.18522/2073-6606-2022-20-2-40-58

19. Кошкин В.И., Кретов С.И. Основы политической экономии солидаризма. М.: Ленанд, 2017. 400 с. ISBN 978-5-9710-4272-3

20. Лепехин В., Беляков С. «Солидарная экономика» (очерк о хронологии формирования перспективного дискурса) <http://confocal-manawatu.pbworks.com/w/page/149358714/Лепехин%2С%20Беляков%3А%20Солидарная%20экономика> (дата обращения: 07.04.2024)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ И ОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

УДК 332.05

Balginova K. M.,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, K. Zhubanov Aktobe Regional University. The Republic of Kazakhstan

Балгинова К. М.,
кандидат экономических наук, ассоциированный профессор, Актюбинский региональный университет им. К.Жубанова. Республика Казахстан

Shakibayev M. K.,
PhD student, K. Zhubanov Aktobe Regional University. The Republic of Kazakhstan

Шакибаев М. К.,
докторант PhD, Актюбинский региональный университет им. К.Жубанова. Республика Казахстан

ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ГОРОДСКИХ АГЛОМЕРАЦИЙ: ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН И КАЗАХСТАНА

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы развития городских агломераций, их влияние на развитие региона. Представлен опыт формирования структуры агломераций Республики Татарстан и Казахстана. Также в статье обозначены аспекты, определяющие как положительные агломерационные эффекты так и барьеры, риски в развитии урбанизированных территорий.

Ключевые слова: стратегия, город, конкурентоспособность, мегаполис, инфраструктура, урбанизация, эффект, территория, агломерация, население, развитие, комплекс.

Из истории определений, относящихся к развитию городов и регионов в целом нам известно понятие агломерации, которое от латинского означает (присоединять, накапливать, нагромождать). Научная концепция городских агломераций была разработана применительно к промышленности Германии Альфредом Вебером, который показал, что концентрация в одном месте производительных ресурсов, в том числе трудовых, неизбежно повлечет за собой качественный и количественный рост производства. В качестве критериев агломерации А. Вебер определил транспортную доступность и высокую плотность населения. Развитие агломерации может

проходить по трем направлениям:

– классическая модель или европейская, где и производственный потенциал и потенциал пригородного населения используется главным центром для формирования эффективного производства на основе пространственной диверсификации;

– американская модель агломерации, включающая в себя полное использование периферии основного города (это и земля, жилой фонд, инфраструктура, зоны рекреации и коммуникации);

– агломерация, направленная на рост человеческого потенциала в целом и учитывающая образовательный, куль-

турный потенциал населения пригородных городов.

Мировой опыт формирования агломераций и крупных городов объясняет их положительную роль в развитии того или иного региона. Это и разгрузка центра агломерации от избыточных функций и тесное взаимодействие с центром по многим каналам, поясное размещение населенных пунктов и тенденция к специализации:

- транспортная инфраструктура (поселения при аэропортах, ж/д станциях);
- производство, обслуживающее потребности центра;
- производственная инфраструктура (склады, базы);
- торговля и услуги (гипермаркеты, рынки);
- досуг (центры развлечений, Диснейленд);
- памятники истории и культуры (Версаль, Петергоф);
- фундаментальная наука (наукотрады).

Если обратиться к опыту развития

агломераций в России, в частности, в Республике Татарстан, то здесь агломерации сформировались в границах трех муниципальных образований, где прослеживается естественно-природная, социально-экономическая и пространственная специфика.

В Республике Татарстан агломерационное развитие закреплено стратегией социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года, принятой Госсоветом РТ 10 июня 2015 года. Проект получил название «Татарстан 2030» [1].

В данном документе в рамках методического подхода была разработана модель для Татарстана «7+6+3» (рисунок 1), где ориентировочно конкурентоспособность региона повышается через развитие семи направлений конкуренции, шести базовых комплексов (нефтехимический, энергетический, машиностроительный, агропромышленный, инфраструктурный комплексы и комплекс услуг) и трех экономических зон вокруг крупных агломераций..

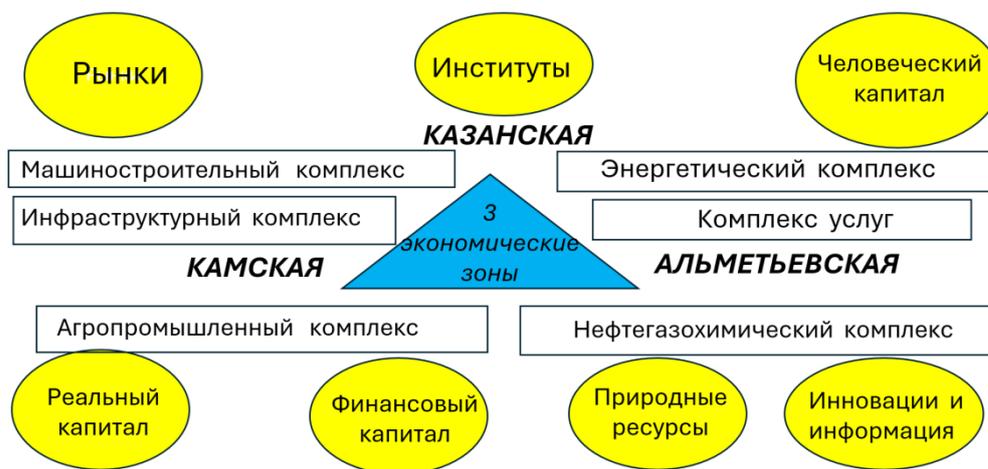

Рисунок 1 – Агломерационное развитие «Татарстан 7+6+3»

Пространственная структура экономических зон включает основные пригородные зоны агломераций, где в Казанской и Камской наблюдается относительная сбалансированность, а в Альметьевской

агломерации прослеживается нефтедобывающая направленность, которая имеет риск сдерживающего фактора из-за приоритетности данной отрасли в регионе (таблица 1).

Таблица 1 – Структура экономических зон в рамках стратегии развития Республики Татарстан до 2030 года

Агломерация	Основные районы	Перспективные направления развития
Казанская	Казань, Предкамский, Закамский и Предволжский	Химическая и нефтехимическая отрасли, авиастроение, судостроение, производство электрооборудования, легкая промышленность, АПК, производство строительных материалов, учреждения высшего образования, развитие инновационного центра
Камская	Городской округ «Набережные Челны» Елабужский, Менделеевский, Тукаевский, Нижнекамский	Активное совершенствование потенциала районов, охватывающее обширную поддержку комплексов развития
	Тукаевский, Актанышский Елабужский, Мензелинский, Агрызский, Менделеевский, Нижнекамский	Экозона «Волжско-Камский поток», активное развитие прибрежных территорий
	Агрызский	Трансграничное сотрудничество с районами Удмуртии
Альметьевская	Альметьевский, Лениногорский Бугульминский	Индустриализация сельхоз деятельности, нефтегазового комплекса, модернизация нефтедобычи нефтепереработки

Рассматривая казахстанский опыт, можно отметить 3 крупных города, имеющие статус мегаполиса. Это города республиканского значения: Астана, Алматы и Шымкент. Современные обстоятельства требуют от местных органов власти этих крупных городов и областей учитывать постоянно изменяющиеся экономические условия и привлечении инвестиционных ресурсов в статусе мегаполисов. В последнее время в научном сообществе вопросам формирования мегаполисов и развития агломераций уделяется много внимания. Этот интерес обусловлен тем, что агломерационный эффект позволяет наиболее

результативно использовать имеющиеся ресурсы города и прилегающие регионы агломерации, и в настоящее время появилась четкая стратегия по формированию мегаполисов, через агломерационные эффекты, позволяющая поднимать социально-экономическое развитие территорий и решать их насущные проблемы [2].

На сегодняшний день по новому закону Республики Казахстан «О развитии агломераций» центрами агломераций определены города с численностью населения свыше 500 тысяч человек [3]. В агломерацию войдут пригородные зоны, имеющие между собой повседневные

трудовые и производственные связи. Новый закон поясняет определение термина «агломерация» и соответствующие критерии, определяющие агломерации.

В соответствии с этими критериями в качестве «агломераций» первого уровня определены Алматы, Астана, Шымкент и второго уровня Актобе и Караганда (таблица 2). В рамках основного и сопутствующего законопроектов акиматы регионов наделяются 25 дополнительными полномочиями: 11 полномочий – в рамках основного законопроекта, 14 полномочий – в рамках сопутствующего:

– Алма-Атинская – крупнейшая в Казахстане агломерация, сформировавшаяся в период СССР. Общее население агломерации составляет свыше 2,5 млн. чел;

– Астанинская – столичная агломерация – моноцентрическая городская агломерация, сформировавшаяся вокруг города Астана. Ядром является столица и прилегающие посёлки вокруг города

– Шымкентская – в агломерации проживает около 10 % населения Казахстана. В соответствии с Программой развития регионов, агломерация обладает наибольшим потенциалом;

– Карагандинская – основным ядром агломерации является город Караганда с населением более полмиллиона человек. В состав агломерации также входят города Темиртау, Сарань, Шахтинск;

– Актюбинская – современный урбанистический центр. Общая площадь агломерации – 4,8 тыс. км², где проживает 72,5 % населения области [4].

Таблица 2 – Состав агломераций в Республике Казахстан

Агломерации	Районы	Перспективные направления развития
Алма-Атинская	Конаев, Gatecity, посёлок Заречный, город Есик, Енбекшиказахский, Илийский, Карасайский, Талгарский	Развитие человеческого капитала, торгово-логистический и финансовый центр, туристическая отрасль проект G4-City, приграничное сотрудничество
Астанинская	город Косшы, Аршалынский, Целиноградский, Шортандинский	Современный урбанистический центр, туризм, сельхозпроизводство, металлургия, машиностроение, производство продуктов питания
Шымкентская	Байдибекский, Казыгурт, Ордабасы, Сайрамский, Толебийский (город Ленгер), Тюлькубасский	Фармацевтика, нефтепереработка, производство растительных масел, легкая промышленность
Карагандинская	Темиртау, Сарань, Шахтинск, Абайский, Бухар-Жырауский, Осакаровский	Горно-металлургический комплекс, пищевая, фармацевтическая и химическая отрасли, лёгкая промышленность и индустрия строительных материалов
Актюбинская	Алгинский, Каргалинский, Мартукский, Хромтауский	Производство хромовых соединений и ферросплавов, нефтегазовая отрасль, приграничное сотрудничество

Среди новых формирующихся мегаполисов в Казахстане город Актобе

занимает особенное место как по численности населения так и по расположению городской агломерации, граничащей с Россией. Активно растущий город Актобе развивается наиболее быстрыми темпами как новый центр роста и притяжения населения.

Также на основе опыта развития регионов страны можно сделать вывод, что развитие Актюбинской агломерации превращает данную территорию в ареал устойчивого и динамичного роста со значительным социальным и экономическим эффектом, но очевидны и слабые стороны ее развития:

- недостаточная численность населения;
- слабая конкурентоспособность МСБ;
- сохранение сырьевой направленности экономики;
- ухудшение экологической обстановки без модернизированных очистных сооружений.

В то же время, учитывая индустриальный потенциал Актюбинской области и ее месторасположение в республике выявлены возможности и агломерационные эффекты, такие как:

- использование инвестиционной привлекательности;
- статус крупного индустриального регионального центра;
- использование приграничных территорий с Россией;
- формирование транспортно-логистического центра.

Из казахстанского опыта можно отметить, что агломерацию можно описать как локальную систему, состоящую из столицы или города республиканского значения или города областного значения (центра агломерации) с численностью населения свыше пятисот тысяч человек и расположенных вокруг него населенных пунктов, имеющих тенден-

цию к территориальному слиянию.

Так же необходимо учитывать так называемый агломерационный эффект, под которым понимается экономическая выгода от территориальной концентрации производств и других экономических объектов в городах и агломерациях происходящий в основном в 2 направлениях:

- эффект локализации, предопределённый территориальной концентрацией производственной деятельности в конкретном городе;
- эффект урбанизации, являющийся результатом масштаба численности (величины) города, увеличения в целом масштаба городской экономики.

В крупных городах располагаясь рядом одна с другой, фирмы могут выпускать продукцию по более низкой стоимости это пример положительного внешнего эффекта (*positive externality*) в производстве: стоимость производства на конкретном предприятии снижается по мере того, как производство на других предприятиях растёт [5].

В основе эффекта локализации лежит эффект масштаба промежуточных производственных факторов, когда фирмы могут концентрироваться вокруг поставщика общих производственных факторов. Данная группировка предприятий может иметь форму как штаб-квартира корпорации, высокотехнологическая фирма или издательское дело.

Также эффект локализации выражается в формировании единого рынка труда, так как группировка фирм повышает эффективность труда, когда происходит относительно свободное перемещение работников с одного предприятия или фирмы в другие. Следующее преимущество эффекта локализации, характеризуется тем, что наряду с концентрацией предприятий происходит быстрый обмен информацией и распространение

технологий.

Эффект урбанизации в отличие от эффекта локализации может проявляться лишь с ростом экономики всего города, а не только одной отрасли и выгоды должны получать все предприятия города. Крупные города обеспечивают наличие единого общегородского рынка труда, где затраты на поиск и смену работы ниже, в связи с чем фирмам легче увеличивать и сокращать свою штатную численность.

Значение эффекта локализации и урбанизации можно выразить в гипотетической модели оценки влияния изменений в объеме производства промышленной продукции и размере города на производительность труда:

$$q = f(k, e, Q, N), \text{ где}$$

- q – производительность работников конкретной отрасли;
- k – капиталовооружённость одного работника;
- e – образовательный уровень работников показатель квалификации и эффективности;
- Q – совокупный объем продукции, выпускаемой в отрасли;
- N – общая численность населения в ближайшем пригороде.

Вместе с тем формирование агломераций позволяют в качестве объектов управления получить инфраструктурные и социально-экономические выгоды. По мнению, Пола Кругмана, основателя «новой экономической географии» всегда выделяются две группы факторов, определяющие те или иные преимущества или барьеры пространственного развития [6]:

1. Наличие природных ресурсов (минералы, сама земля) и также естественно-выгодное географическое месторасположение, на порядок уменьшающий транспортные расходы.

2. Высокая плотность населения и агломерационный эффект и все составляющие аспекты эффективности развития любого региона такие как высоко-развитая инфраструктура, человеческий капитал, предпринимательский, инвестиционный климат, уровень развития и внедрения инноваций.

Важно отметить, что наряду с явными преимуществами существуют и определённые риски агломерационного развития, характеризующиеся неправильным выбором стратегии развития системы. К вышеназванным рискам можно отнести следующие:

- низкая координация между сторонами поддерживающими быстрое развитие агломерации и самого механизма управления системой;
- недостаточно быстрое инфраструктурное развитие агломерационной территории (строительство новых маршрутов транспортного сообщения, инженерное обустройство зон для активного строительства и т.д.), где без государственного финансирования невозможно создание базовой основы для привлечения инвестиций;
- возможность спровоцировать низкий рост и доходность из-за неправильного выбора базового функционала агломерационной территории, порождающий неконтролируемое развитие процессов имущественного и национального обособления населения и системы градостроительства [7].

Накопленный иностранный и отечественный опыт формирования и эффективного существования, предопределяет поддержку слабых аспектов развития городских агломераций. Агломерации как самостоятельные объекты управления имеют определённые инфраструктурные и социально-экономические преимущества:

– оптимальная социально-экономическая структура территорий и размещение инфраструктуры;

– создание единых рынков (недвижимости труда, капитала) и возможность выхода на мировые рынки в качестве важного узла товарных, финансовых, технологических, культурных обменов;

– эффективное использование ресурсного потенциала местных территорий населением агломерации, такие как промышленный, инновационный, образовательный и т. п.).

– появление перспективы оптимизации комплекса транспортной и инженерной инфраструктуры [7].

Современные агломерации приобрели реальные условия для своего формирования и развития, которые функционируют в определенном организационно-правовом поле. Все предыдущие реформы по формированию агломераций естественно поменяли всю структуру регионального развития, где необходимо учитывать следующие аспекты [8]:

– все новые районы агломераций требуют другой схемы финансирования в рамках задач, которые они выполняют в системе экономических отношений;

– теперь огромные агломерационные районы, включающие малые города и пригородные поселения, нуждаются в новых подходах управления, а это в свою очередь требует подготовки современных менеджеров и административных управленцев;

– необходим пересмотр функций города – ядра, по удовлетворению населения в таких услугах как коммунальные, образовательные, транспортно-логистические, культурные и т.п., которые не должны ограничиваться рамками мегаполиса;

– формирование агломераций диктует постоянно разрабатывать меры поддержки по развитию пригородной зоны, так как традиционно крупные города являются центрами роста, которые в новых условиях должны поддерживать экономическое развитие малых поселений в пригороде.

Литература

1. Стратегия социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года [Электронный ресурс]. – «Татарстан 2030». – Режим доступа: http://tatarstan2030.ru/UserFiles/Files/Strategy%20RT_zakon. (дата обращения 26.03.2024)
2. Постановление Правительства Республики Казахстан от 31 января 2022 года № 38 «Об утверждении Комплексного плана социально-экономического развития Актюбинской области на 2022 – 2025 годы» [Электронный ресурс]. – <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2200000038> (дата обращения 26.03.2024)
3. Закон Республики Казахстан «О развитии агломераций» от 1 января 2023 года № 181-VII ЗРК. [Электронный ресурс]. – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2300000181/z181_1.htm (дата обращения 26.03.2024)
4. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. [Электронный ресурс]. <https://stat.gov.kz/> (дата обращения 26.03.2024)
5. О'Салливан А. Экономика города. 706 с. – (Серия «Университетский учебник»). - 4-е изд.: Пер. с англ. - М.: ИНФРА-М, 2002. – С.22-43

6. Захарченко Р.Л. Пол Кругман: Нобелевский лауреат, теоретик международной торговли и экономической географии / Р.Л. Захарченко // Экономический журнал ВШЭ.– 2009. – №1. – С. 130-137.
7. Галиуллина Г., Назмиев Э., Миронова Т. Социально-экономическое состояние агломераций в Республике Татарстан / Галиуллина Г., Назмиев Э., Миронова Т.// Региональный экономический журнал. – 2018. – № 1-2 (21-22). – С. 64-72.
8. Пузанов А. С., Попов Р. А., Полиди Т. Д., Гершович А. Я. Городские агломерации в современной России: проблемы и перспективы развития – Москва: Фонд «Институт экономики города», 2023, С. 149-159. <https://www.urbanecomomics.ru/> (дата обращения 26.03.2024)

УДК 338.27

Popova A. G.,
Leading Specialist «Gazprom gas-engine fuel»
LLC, Saint Petersburg

Попова А. Г.,
Ведущий специалист ООО «Газпром газомо-
торное топливо», г. Санкт-Петербург

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ МИРОВОГО И ОТЕЧЕСТВЕННОГО РЫНКА КОМПРИМИРОВАННОГО ПРИРОДНОГО ГАЗА В КАЧЕСТВЕ МОТОРНОГО ТОПЛИВА

Аннотация: В статье отражены различные аспекты перевода автомобильного транспорта с традиционного топлива на компримированный природный газ. Дан исторический анализ этого процесса. Приведены результаты библиометрического анализа понятия «*compressed natural gas as alternative fuels*» (компримированный природный газ как альтернативное топливо), которые демонстрируют тематический и географический ландшафты исследований, реалии и перспективы применения природного газа как горючего для автомобильного транспорта. Сделан вывод о том, что успешность внедрения компримированного природного газа прямо зависит от масштаба поддержки со стороны государства и частного предпринимательства. Подчеркнуто, что в настоящее время экологическая составляющая использования новых моторных топлив обретает не менее важное значение, чем экономическая выгода. Поэтому переход на компримированный природный газ для заправки личного, грузового и общественного транспорта можно рассматривать как действенную меру по сокращению выбросов парниковых газов и улучшения качества воздуха.

Ключевые слова: газомоторное топливо, компримированный природный газ, автотопливная станция, снижение выбросов диоксида углерода, экология.

Введение. Несмотря на все политические разногласия, экономическую конкуренцию и своеобразие хозяйственного уклада практически все государства солидарны в стремлении к снижению выбросов парниковых газов в атмосферу. Многие страны на государственном, региональном и отраслевом уровнях приняли программы перехода на экологически чистые промышленные технологии, в том числе на новые виды моторных топлив для транспортных средств.

Цель настоящей публикации – выявление наиболее значимых факторов развития отечественного рынка компримированного природного газа (КПГ) в транспортном секторе экономики. Такая постановка исследования объясняется

просто: в России в силу колоссальных геологических ресурсов природного метана, дешевизны его добычи и компрессии, природный газ, как никакой другой энергоноситель, может стать приоритетным видом моторного топлива.

Вполне понятно, что путь формирования национального рынка газомоторного топлива (ГМТ) каждой стране свой, тем не менее весьма полезно изучение предшествующего мирового опыта. Данная статья, не претендуя на всеобъемлющий охват, позволяет выявить некоторые полезные признаки сходства и различий формирования отдельных национальных рынков КПГ.

Историческая справка. Первые опыты использования природного газа для двигателей внутреннего сгорания

датируются 30-ми годами прошлого столетия. Горючий газ раньше бензина стал использоваться как автотопливное топливо [1].

Первые научные доказательства возможности применения метана (и его гомологов) как топливно-энергетического ресурса содержатся в научных трудах Ф. Лебона (середина XIX века), получившего «светильный газ». Вслед за ним Жан-Жозеф Этьен Лемуар теоретически обосновал способность предельных углеводородов выступать в качестве ГМТ. Им разработаны первые модели передвижных средств (например, восьмиместного экипажа) с двигателями внутреннего сгорания (ДВС), работающими на газе [1]. В течение последующих 25-ти лет ДВС на газовом сырье устанавливались на дирижаблях, поездах, трамваях [2]. Однако с 1885 г. в связи с созданием бензинового ДВС интерес к углеводородному газу стал иссякать, и возврат к нему происходил только в условиях нехватки нефтепродуктов. Так, в 1902 г. во Франции на выставке было представлено 80 биотопливных автомобилей, а после первой Мировой войны в ряде европейских стран (Франции, Германии, Италии, Финляндии, Дании, Румынии, Норвегии, Югославии) возобновилось строительство газонаполнительных станций и установка на автотранспорте специального газобаллонного оборудования [3].

В последние два-три десятилетия процесс перехода с бензинового на газовое топливо для автомобилей развивается с нарастающей быстротой. Сегодня сжиженный и компримированный природный газ в качестве моторного топлива используется в более чем в 80-ти странах мира. Построено и введено в эксплуатацию порядка 35 тысяч газозаправочных станций и переведено на

природный газ свыше 30 миллионов легковых автомобилей, автобусов, большегрузного и специального транспорта [4]. Этому опыту посвящена обширная научная и научно-техническая литература.

Освещение в научной литературе региональных особенностей рынка компримированного природного газа как альтернативного моторного топлива (на основе библиометрического анализа). В мире накоплен серьезный опыт оценки преимуществ и недостатков компримированного природного газа как нового моторного топлива. Он отражен в многочисленных статьях, финансовых, экономических и технических отчетах, материалах конференций, симпозиумов и других документах. По состоянию на 01.12.2023 г. Google индексирует 27 570 000 запросов «compressed natural gas as alternative fuels» (компримированный природный газ как альтернативное топливо). И поскольку объем информации слишком велик, целесообразно обращение к аппарату библиометрического анализа [5], позволяющему выявлять связи между отдельными объектами изучения, определять тесноту их связи (рис. 1) и осуществлять типизацию терминов и определений [6].

Библиометрический анализ демонстрирует наличие двух относительно самостоятельных классификационных групп (кластеров) публикаций по теме «compressed natural gas as alternative fuels» за период с 2010 г. по настоящее время. По рисунку 1 видно, что кластеры формируются прежде всего по уровню развития рынка КПГ. По-видимому, объем информации в открытых источниках является косвенным, но верным признаком длительности и успешности внедрения КПГ как альтернативного автомобильного топлива..

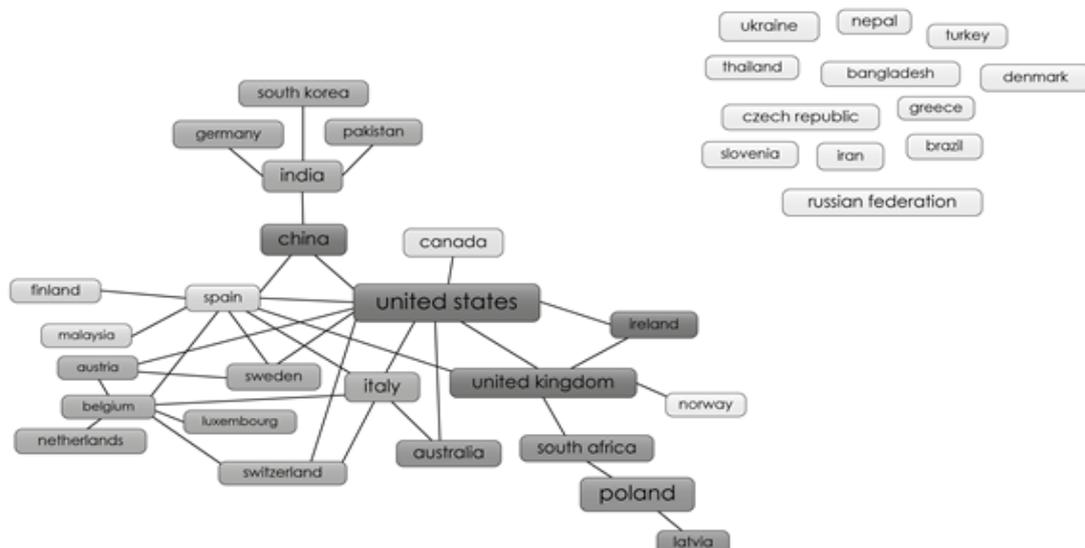

Рисунок 1 – Кластеризация стран по активности развития рынка компримированного природного газа за период 2010-2023 гг. по запросу («CNG-foreign countries and Russia») на информационной базе Scopus

Бразилия, Турция, Бангладеш, Россия и другие страны, условно входящие в «новый» (нарождающийся) кластер производителей-потребителей КПГ пока не являются участниками интеграционного процесса решения экономических, экологических и технических проблем внедрения новых видов газомоторных топлив. В них (в т. ч. и в России) рынок газомоторного топлива находится на этапе становления, поэтому сравнительный анализ условий и результатов развития рынка КПГ между ними более естественен.

В целом мировая тенденция перевода автомобильного транспорта на метан на протяжении последних лет укрепляется. При этом большая часть машин, использующих КПГ, сейчас приходится на азиатские и латиноамериканские страны [7].

Среди азиатских стран, проделавших большую работу по продвижению ГМТ на рынок моторных топлив, лиде-

ром является Китай. Здесь, начиная уже с 50-х г. прошлого столетия, в провинции Сычуань (ведущий регион страны) инициирован перевод транспортных средств на ГМТ. Китайская государственная программа поддержки рынка КПГ действует 30 лет, что позволило к 2014 г. перевести на метан 4,4 млн транспортных средств, а количество построенных автомобильных газонаполнительных компрессорных станций (АГНКС) к этому времени составило 4 455 ед. К 2018 г. на территории страны насчитывалось уже 6,1 млн автомобилей на метане [8].

Второй в мире азиатской страной по активности использования метана в качестве ГМТ является Иран. По состоянию на 2020 г. в стране было примерно 5 млн. ТС, на КПГ, и 2,4 тыс. АГНКС. Развитие рынка газомоторного топлива наиболее активно идёт с 2000-х годов, что связано с принятием (2001 г.) госпрограммы по стимулированию перево-

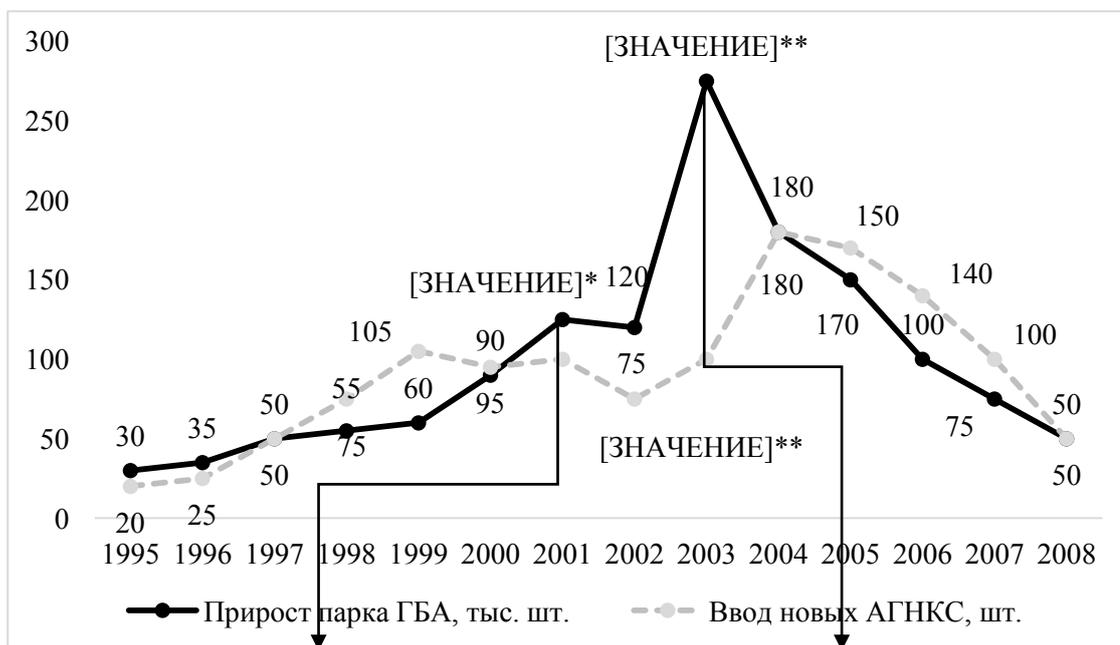
да автомобилей на газ из-за очень высокой зависимости от бензина и, следовательно, ухудшающейся экологической ситуации в крупнейших городах страны [2].

Много делается для перевода автомобилей на метан в Пакистане. Правительство страны в 1998 г. приняло решение по избавлению от бензиновой зависимости, улучшению экологии и перехода на газ. Однако здесь результаты оказались более скромными: помешало истощение газового сырья в стране [4].

В Индии, как и в Китае, из-за интенсивного наращивания населения страны и связанной с этим огромной нагрузкой на транспортную сеть, обострились экологические проблемы. Поэтому в 90-ых годах правительство запустило специальную программу популяризации КПП. Спустя почти 30 лет в Индии насчитывалось уже около 3,1 млн. ТС на КПП, а число станций по их заправке достигло 1,4 тыс. ед. [4].

В Южной Корее с 2010 г. к работе на городских маршрутах в г. Сеуле допускаются только газовые автобусы [9]. Среди латиноамериканских стран лидирующие позиции по использованию КПП в качестве моторного топлива занимают Аргентина, Бразилия, Боливия [4]. Интересен опыт внедрения ГМТ в Аргентине. В 80-х годах XX века руководство страны начало реализацию де-

сятилетней программы по переводу такси с жидких топлив на газовые. Через тридцать лет в стране показатель по переводу достиг почти 2,2 млн. автомобилей, было введено в эксплуатацию 2 тыс. АГНКС. В условиях нестабильной экономической ситуации государство разработало ряд важнейших законов по стимулированию и поддержанию интереса к газомоторному топливу. Именно в Аргентине впервые выявлена четкая обратная зависимость между покупательной способностью, отражающей благосостояние населения, и числом переоборудований транспортных средств на КПП. Причина проста: стоимость топлива на природном газе составляла лишь 40 % от стоимости бензина, поэтому КПП стал весьма привлекательным для людей низким финансовым достатком. Иными словами, данный вид топлива выступил как «низшее благо» («inferior good»), иными словами, продуктом реального спроса либо низших по доходам слоев населения (рис.2), либо более широкого круга потребителей, но в период экономического кризиса, связанный с угрозами утраты платежеспособности владельцев транспортных средств [10]. Этот опыт может быть полезен для большинства стран, находящихся в начальном пути внедрения ГМТ в качестве газомоторного топлива (рис. 1), в том числе и России.

* Экономический кризис, девальвация национальной валюты, рост цен на импортные традиционные виды топлива;
 * Сокращение доходов населения;
 * Рост спроса на переоборудование ТС на КПП.

** Существенный рост числа частных АГНКС и газомоторного транспорта, который обеспечивается рынком переоборудования;
 ** Зрелость рынка.

Рисунок 2 – Динамика газомоторного рынка Аргентины [12]

На примере стран с более длительной историей развития рынка КПП можно оценить отдаленные результаты основных методов стимулирования рынка газовых топлив, а также интеграционные процессы в этом направлении. Так, во многих европейских странах на сегодняшний день благодаря активному содействию Европарламента поддерживается внедрение ГМТ не только в грузовой и общественный, но и частный автотранспорт. Европейским лидером, наиболее активно использующим КПП, стала Италия, проявившая интерес к альтернативному виду топливу ещё в 1930-х г. во времена энергетического кризиса. Позже руководство страны приняло ряд законов, поддерживающих перевод ав-

тотранспорта на природный газ, придавая особо значение экономическим и экологическим причинам [11]. Для этого были смягчены требования к расположению и строительству АГНКС, введены льготы для бесплатного проезда автомобилей большой грузоподъемности, переведённых на метан.

По данным NGV Global, по состоянию на 2022 г. европейский рынок КПП составляет 2 млн автомобилей, из них 55% приходится на итальянские ТС (1,1 млн. ед.). Другие европейские лидеры таких стран, как Германия, Австрия, Швеция, Швейцария, Нидерланды и Болгария также поддерживают программы по переводу всех видов автопарков на КПП и стимулируют строительст-

во сетей АГНКС в своих городах, но их результаты скромнее.

В США и Канаде переход с бензина на ГМТ на сегодня не является государственным приоритетом, хотя в 90-е годы здесь наблюдался интерес к использованию альтернативных видов топлива. Пик популярности в США был достигнут в 1997 г., но через десять лет количество АГНКС сократилось до 1 000 ед. против 120 тыс., в основном, частных розничных АЗС.

Правительство Канады также не заинтересовано в развитии газомоторного топлива, и на сегодняшний день известно только о 74 публичных АГНКС в стране [13].

В целом, для стран с развитым рынком КПП можно отметить зависимость темпа внедрения КПП от масштаба государственной поддержки и участия инвестициями крупных промышленных концернов (таблица 1).

Таблица 1 – Меры поддержки рынка ГМТ в отдельных странах [14]

Страны	Меры поддержки
Китай, Италия, Австрия, Польша	Субсидирование приобретения газомоторного транспорта, а также переоборудования ТС на КПП
Италия, Австрия, Болгария, Турция, Сингапур	Снижение транспортного налога для владельцев ТС на КПП
Все страны ЕС, а также Иран, Пакистан, Малайзия	Снижение пошлин или полное освобождение от ввозных таможенных пошлин импортного газозаправочного и газоиспользующего оборудования
Китай, Бангладеш	Целевое выделение земель под строительство АГНКС

Сегодня внедрение метана как моторного топлива активно поддерживается мировыми лидерами автомобилестроения. Уже давно освоен серийный выпуск автомобилей и автобусов на КПП. Mercedes-Benz, BMW, Volvo, Daimler-Benz, Iveco, MAN, Opel, Peugeot, Renault, Citroen, Skania, Fiat, Volkswagen, Ford, Honda, Toyota предлагают газобаллонные автомобили заводского изготовления [15].

В зарубежных странах в качестве стимулирующих мер также используется и ряд запретов. К ним относятся следующее:

– запрет на использование дизельного топлива (ДТ) на автомобилях малой и средней грузоподъемности / пассажироместности (действует в Пакистане, Южной Кореи и Бразилии);

– запрет на использование нефтяных

видов моторных топлив на общественном и коммунальном транспорте (действует во Франции);

– запрет на строительство новых заправочных станций без блока заправки природным газом (действует в Италии).

Что же мешает эффективному внедрению КПП в качестве моторного топлива? Общий анализ по всем изученным региональным рынкам выявил основные причины:

– более низкая энергетическая плотность метана по сравнению с топливами на основе нефти и мазута [16];

– необходимость в крупных баллонах под КПП, что занимает большие пространства в ТС и является неудобством для потребителей;

– высокая цена бортовых топливных баков [17];

– большое время, необходимое для

заправки бака КПП;

– часто встречающееся отсутствие инфраструктуры под заправку КПП;

– высокая зависимость автомобилей, работающих на КПП, от объёмов его потребления;

– слабая информированность населения о преимуществах, главным образом, экологических, перехода на КПП.

Нельзя не отметить тенденцию оптимизационного подхода к выбору тех видов моторного топлива, которые в большей мере соответствуют хозяйственному укладу, рельефу местности, обеспеченностью природным газом, гидроэнергии и другими первичными источниками энергии. При этом экологические резоны оцениваются наравне, а в отдельных случаях и выше, чем эко-

номические. Во многих случаях внедрение КПП в качестве газомоторного топлива признаётся оптимальным на первых этапах перевода транспорта на альтернативное топливо [18].

Приведём в качестве примера экономическую оценку эффективности КПП на примере автомобильного хозяйства в г. Стамбул (Турция), в котором городские власти оказывают существенную поддержку устойчивому использованию общественного транспорта со 100% «нулевым» уровнем выбросов. Выполненный анализ по эффективности дизельного топлива и сжатого природного газа (для автобусов с минимальной длиной 12 м) показали следующие результаты (таблица 2).

Таблица 2 – Удельные цены на дизельные и газовые автобусы для Турции [18]

Критерий производительности	Дизель	КПП	Электричество
Стоимость покупки автобуса, руб.	~12 700 000	~17 500 000	~36 000 000
Стоимость покупки одного автобуса, руб. (включая техническое обслуживание на 5 лет)	~16 500 000	~24 060 000	~44 000 000
Стоимость работ по установки ГБО на 250 автобусов, руб.	~32 600 000	~191 600 000	~119 900 000
Дополнительные расходы (амортизация, услуги водителя, страхование, налоги и т.д.)	Постоянно	Постоянно	Постоянно
Общие выбросы парниковых газов	$1,34 * 10^{-3}$	$8,33 * 10^{-4}$	-

В работе [18] подчёркивается, что транспорт на электрическом питании наиболее дешёв в эксплуатации, однако стоимость таких автомобилей, превышающая в два раза исходную цену аналогичного транспорта на КПП, а также проблемы экологического характера [19], сокращают преимущества электро-

мобилей перед другими видами альтернативного топлива.

Аналогичная картина выявляется и по российским реалиям [20,21]. Для примера приведем разницу в характеристиках российских автобусов с разным форматом моторного топлива (таблица 3) компании НЕФАЗ [20].

Таблица 3 – Основные технические и экономические характеристики автобусов НЕФАЗ [20]

Параметры	Модификация	
	Дизельная	Газовая
Модель	НефАЗ-5299-20-31	НефАЗ-5299-20-32
Рабочий объем, л	6,7	11,76
Максимальная скорость, км/ч	80	80
Расход топлива	35 л / 100 км	42 м ³ / 100 км
Вместимость топливного бака	350 л	197 м ³
Расчетный пробег на одной заправке, км	950	432,5
Относительный коэффициент частоты заправки, ед./1000 км	1,052	2,312
Среднее время полной заправки, мин	8 – 10	10 – 15
Стоимость единицы, руб.	~11 750 000	~16 029 720

Завершая краткий обзор международной практики внедрения компримированного природного газа в качестве моторного топлива, отметим еще одну тенденцию: стремление к взаимосвязанному сокращению выбросов диоксида углерода, уменьшению шумового загрязнения и улучшения качества воздуха [16]. Эта позиция равно относится к таким современным видам моторных топлив, каким является водород, КПГ, сжиженный природный газ (СПГ), сжиженный углеводородный газ (СУГ – пропан-бутан), синтетические парафиновые и ароматические топлива.

Вполне понятна причина того, что в экономически развитых странах придается важное значение экологической надёжности моторных топлив: по последним сводкам более 25% от выбросов парниковых газов в Европейском союзе – вклад от транспортного сектора промышленности [17, 18]. Еврокомиссией принята (2017 г.) Программа стратегических транспортных исследований и инноваций (STRIA) в рамках пакета «Европа в движении» [16], в которой для всех видов транспорта (автомобильного, железнодорожного, авиационного и др.) разработан план мероприятий по пере-

ходу на современные моторные топлива и электроэнергию в целях снижения выбросов в атмосферу диоксида углерода. Аналогичные программы существуют и в других странах и континентах.

Заключение. Глобальная мировая тенденция диверсификации рынка неизбежно изменит рыночное соотношение основных видов топлива для двигателей внутреннего сгорания в пользу в пользу газомоторного топлива за счет его экономичности и экологичности свойств.

Каждый из видов газомоторного топлива имеет свои преимущества и недостатки, что определяет границы их наиболее выгодного и своевременного использования. Многие страны отдают предпочтение компримированному газу, считая особенно целесообразным его широкое внедрение на начальных этапах перехода от традиционного к альтернативным видам горючего для автотранспорта.

Путь, пройденный как индустриально развитыми государствами, так и странами с более ограниченными экономическими и финансовыми возможностями, прямо свидетельствует о том, что главным драйвером широкого внедрения новых видов моторного топлива

является государство.

Таким образом, формирование рынка газомоторного топлива – это много-составная задача, решение которой зависит от совокупности институционных,

коммерческих и социальных условий конкретных экономических систем, сырьевой базы энергоресурсов, своеобразия хозяйственного уклада и нематериальных ценностей населения.

Литература

1. Межибовский И. Начало начал // Автомир. - 2005. - № 3. - С. 3.
2. Воробьев-Обухов А., Карпенков А. На голубом газу // За рулем. - 2005. - № 5. - С. 220-224.
3. Франтковский З.Б. Бензин - хорошо, а газ, особенно природный, лучше! // Огни Камы. - 2002. - № 146 (5895).
4. Зуев А.И. Зарубежные тенденции газомоторного рынка // ТЭЖ России. - 2020. - № 7. URL: https://www.cdu.ru/tek_russia/issue/2020/7/781/.
5. Кравченко С.И., Богачев С.В. Имитационные стратегии в предпринимательской деятельности библиометрический анализ // Стратегические решения и риск-менеджмент. - 2023. - № 14 (1). - С. 40-47.
6. Даринская Л.А., Гуслина А.С. Библиометрический анализ как способ вхождения в проблему исследования (на примере понятия «самостоятельная работа студентов») // Вестник Санкт-Петербургского университета. - 2010. - Сер. 12, вып. 3. - С. 71-79.
7. Зуев А.И. Российский рынок ГМТ – есть куда расти // ТЭЖ России. - 2022. - № 9. URL: https://www.cdu.ru/tek_russia/issue/2022/9/1064/.
8. Ling Ding, JinxiWu. Innovation Ecosystem of CNG Vehicles: A Case Study of Its Cultivation and Characteristics in Sichuan, China // Sustainability of Economic Growth: Combining Technology, Market and Society. - 2018. - 16 p.
9. Хатьков В.Ю., Иванов А.В., Саркисов А.С. Оценка макроэкономических последствий от реализации крупных проектов и программ использования природного газа в качестве моторного топлива в основных сегментах российского автотранспортного рынка // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. - 2017. - № 11. - С. 26-32.
10. Вельниковский А.А. Имитационное моделирование инфраструктуры автомобильных газонакопительных компрессорных станций Санкт-Петербурга на основе районирования территории на кластеры // Вестник гражданских инженеров. - 2017. - № 4. - С. 137-140.
11. Фернандес Р. Развитие газомоторного рынка Латинской Америки // Транспорт на альтернативном топливе. - 2008. - № 6. - С. 16.
12. Кондратенко С.Е. Газомоторное топливо: подходы к формированию рынка на примере Германии и Аргентины // Газовая промышленность. - 2017. - № 1. - С. 46-54.
13. TIAA. U.S. and Canadian Natural Gas Vehicle Market Analysis: Compressed Natural Gas Infrastructure // America's Natural Gas Alliance. - 2012. - 68 p.
14. Толмачев Д.И., Голубенко Н.В. Перспективы использования сжиженного природного газа в качестве моторного топлива на автотранспорте // Международный студенческий научный вестник. - 2018. - № 3. - С. 1297-1301.

15. Алексанков А.М. Перспективы использования газомоторного топлива в России // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. - 2019. - № 4 (118). - С. 96-99.

16. Ortega, A., Gkoumas, K., Tsakalidis, A., Pekár, F. Low-Emission Alternative Energy for Transport in the EU: State of Play of Research and Innovation // Alternative and Sustainable Fuels in the Transport Sector: The Challenge of Decarbonization. - 2021. № 14 (22). - 22 p.

17. Grzelak, P., Taubert, S. Error analysis of the normative calculation method of the exhaust emissions and fuel consumption in the vehicles fueled with gaseous fuels // Exhaust Emissions from Passenger Cars. - 2021. № 14 (7). - 13 p.

18. Qiu, Y., Zhou, S., Gu, W., Ding, S., Han, G., Zhang, K., Lv, H. Multi-stage flexible planning of regional electricity-HCNG-integrated energy system considering gas pipeline retrofit and expansion // IET Renewable Power Generation. - 2022. - № 16 (15). - 29 p.

19. Orhan Topal, Ismail Nakir. Total Cost of Ownership Based Economic Analysis of Diesel, CNG and Electric Bus Concepts for the Public Transport in Istanbul City // Energy Markets and Economics. - 2018. - № 11 (9). - 17 p.

20. Петрова Н. Так ли экологичны электрокары? // Атомный эксперт. - 2019. - № 5. URL: https://atomicexpert.com/electric_cars_ecology.

21. Евстифеев А.А., Ермолаев А.Е. Влияние холостых пробегов газовых городских автобусов на показатели производственно-хозяйственной деятельности // Транспорт на альтернативном топливе. - 2016. - № 4 (52). - С 23-30.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ

УДК 331.5

Imamutdinova S. M.,

Candidate of Economic Sciences, associate professor of the economic theory and economic policy department Naberezhnye Chelny Institute, Kazan Federal University Naberezhnye Chelny

Имамутдинова С. М.,

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и экономической политики Набережночелнинского института (филиала) К(П)ФУ г. Набережные Челны

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА РОЛЬ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ

Аннотация: В настоящее время происходит стремительное развитие цифровых технологий, которые кардинально трансформируют экономическую среду и меняют роль человека в ней. В условиях цифровой трансформации возрастает необходимость адаптации человека к новым вызовам, а также исследование влияния цифровизации на профессиональные, личностные, духовные и семейные аспекты человеческого фактора. Исследование этих процессов имеет важное теоретическое и практическое значение для совершенствования систем управления персоналом, повышения эффективности государственного и муниципального управления, а также разработки стратегий развития человеческих ресурсов в условиях цифровой экономики.

Ключевые слова: цифровая экономика, человеческий фактор, цифровизация, профессиональные и личностные качества, духовные и семейные ценности, государственное и муниципальное управление, Искусственный Интеллект.

Стремительное развитие цифровых технологий, таких как Искусственный Интеллект, большие данные и Интернет вещей, оказывает существенное влияние на все сферы современной экономики, в том числе на роль и место человека в производственных и управленческих процессах, в т.ч. государственных. Цифровая трансформация затрагивает не только профессиональные, но и личностные, духовные и семейные аспекты жизни человека, требуя от него постоянной адаптации к новым условиям.

Внедрение технологий Индустрии 4.0 меняет привычные модели ведения бизнеса и управления, автоматизируя многие рутинные операции и расширяя возможности принятия управленческих

решений на основе анализа больших данных. В этих условиях человек сталкивается с необходимостью переосмысления своей роли и значения, поскольку его профессиональные функции все в большей степени дополняются или замещаются возможностями Искусственного Интеллекта.

Кроме того, цифровизация оказывает существенное влияние на личностные, духовные и семейные ценности человека. Изменение привычных моделей коммуникации, возрастание роли виртуальной реальности, трансформация подходов к работе и досугу – все эти факторы требуют от человека адаптации к новым социокультурным реалиям. На сегодняшний день исследование данных

процессов приобретает особую актуальность, поскольку дает возможность разрабатывать эффективные стратегии управления человеческими ресурсами и повышать конкурентоспособность организаций в условиях Индустрии 4.0.

Внедрение автоматизации и роботизации позволяет заменять человека в выполнении многих рутинных, повторяющихся операций. Это касается как физического труда на производстве, так и интеллектуальной работы в сферах государственного управления [1], бухгалтерии, документооборота, логистики и других. Например, использование роботов-сборщиков на автомобильных заводах, чат-ботов для обработки клиентских запросов в call-центрах, программ для автоматического составления бухгалтерской отчетности. Такая замена человека машинами повышает эффективность и производительность, но одновременно ставит вопрос о необходимости участия человека в ряде профессиональных функций.

Развитие Искусственного Интеллекта (ИИ) приводит к тому, что все более сложные задачи по анализу данных, прогнозированию и принятию управленческих решений передаются данной технологии. ИИ способен обрабатывать огромные массивы информации, выявлять скрытые закономерности и предлагать оптимальные варианты действий гораздо быстрее, чем человек. К этим технологиям относятся системы ИИ, способные диагностировать заболевания по медицинским данным пациентов, алгоритмы ИИ, используемые в банках для оценки кредитоспособности заемщиков, чат-боты-консультанты, помогающие клиентам выбирать товары и услуги, что ставит под сомнение необходимость человеческого участия в подобных процессах.

Цифровая трансформация экономики приводит к исчезновению традиционных профессий и появлению новых, связанных с разработкой, внедрением и обслуживанием цифровых технологий. Происходит снижение спроса на профессии бухгалтеров, операторов call-центров, водителей такси. В связи с автоматизацией наблюдается рост востребованности специалистов по большим данным, кибербезопасности, разработке ИИ-систем и т.п. При этом у организаций любого уровня возникает необходимость переобучения сотрудников и повышения квалификации работников.

Для успешной адаптации к цифровой экономике персоналу нужно развивать новые компетенции, а именно креативность для решения нестандартных задач, критическое мышление, эмоциональный интеллект, работа с данными и цифровыми инструментами, которые требуют освоение программирования, облачных сервисов, визуализации и т.д. Такие изменения требуют от человека постоянного обучения и саморазвития на протяжении всей его карьеры.

Цифровизация экономики способствует распространению гибких, удаленных и проектных форм занятости. Работники все чаще выступают в роли фрилансеров, работающих на удаленной основе над конкретными задачами. Примерами могут служить фриланс-платформы, на которых зарегистрированы специалисты, выполняющие разовые проекты, а также распространение практики удаленной работы в ИТ-компаниях и консалтинге и рост числа работников, занятых по краткосрочным трудовым договорам. В последнее время наблюдается существенное изменение используемых моделей организации труда в организациях

В условиях цифровой трансформа-

ции работодатели начинают предъявлять новые требования к сотрудникам, ожидая от них не только профессиональных знаний и умений, но и способности к быстрой адаптации, креативности, эффективной коммуникации в цифровой среде. Поэтому перед человеком, стремящемся реализовать себя в современном мире, стоит задача постоянного совершенствования своих компетенций.

На сегодняшний день человек – это один из наиболее значимых ресурсов, необходимых для развития современной экономики.

К ключевым аспектам человеческого фактора можно отнести следующие:

1. Уникальные человеческие компетенции, незаменимые в условиях цифровизации:

– креативность и нестандартное мышление. Способность человека генерировать новые, оригинальные идеи, выходящие за рамки стандартных решений, является незаменимой при разработке инновационных продуктов и бизнес-моделей. Например, креативные специалисты в рекламных агентствах создают уникальные рекламные кампании, которые не могут быть полностью автоматизированы;

– эмоциональный интеллект и социальные навыки. Умение человека понимать эмоции других, эффективно взаимодействовать и выстраивать доверительные отношения в сферах, связанных с клиентским сервисом, управлением персоналом, консультированием. Например, менеджеры по работе с клиентами в банках используют эмоциональный интеллект для выявления потребностей клиентов и предложения наиболее подходящих решений;

– способность к обучению и адаптации. В условиях быстрых технологических изменений человек должен постоянно осваивать новые навыки и адап-

тироваться к трансформации своих профессиональных функций. Гибкость и готовность к непрерывному обучению становится ключевым преимуществом человека перед автоматизированными системами. Например, специалисты по кибербезопасности вынуждены постоянно повышать квалификацию, чтобы противостоять новым киберугрозам.

2. Роль человека в разработке, внедрении и совершенствовании цифровых технологий:

– инженеры, программисты, аналитики данных как ключевые специалисты. Создание и развитие цифровых технологий невозможно без участия высококвалифицированных специалистов-людей. Например, команды разработчиков ПО в ИТ-компаниях отвечают за проектирование, программирование и тестирование новых программных продуктов;

– важность человеческого участия в обучении и настройке ИИ-систем. Даже самые продвинутые системы ИИ требуют постоянного участия человека в процессах обучения, настройки и контроля их работы. Без этого ИИ-системы не смогут эффективно функционировать. Например, специалисты по машинному обучению обучают нейронные сети распознавать образы и принимать решения;

– необходимость человеческого контроля и принятия ответственных решений. В ряде критически важных сфер, таких как медицина, финансы, безопасность, окончательное решение должен принимать человек, а не полностью автоматизированная система. Ответственность за последствия решений требует участия человека. Например, врачи принимают ответственные решения о лечении пациентов, основываясь на рекомендациях ИИ-систем.

3. Человек как источник инноваций и драйвер развития цифровой экономики:

– генерация новых идей и бизнес-моделей. Человеческое творчество и нестандартное мышление являются ключевым источником инноваций, которые двигают вперед развитие цифровой экономики. Например, предприниматели-новаторы создают прорывные стартапы, меняющие целые отрасли.

– способность к предпринимательству и созданию стартапов. Готовность человека рисковать, экспериментировать и воплощать в жизнь новаторские идеи лежит в основе появления успешных технологических стартапов, которые становятся драйверами цифровой трансформации.

На сегодняшний день сложившаяся мировая ситуация характеризуется как VUCA-мир. Данная концепция описывает современную бизнес-среду как V – Volatile (нестабильную), U – Uncertain (неопределенную), C – Complex (сложную) и A – Ambiguous (неоднозначную). Этот акроним был впервые введен в 1980-х годах американскими учеными для характеристики новых вызовов, с которыми сталкиваются организации и лидеры в условиях быстрых изменений, высокой турбулентности и непредсказуемости [3].

VUCA-мир очень точно описывает ту среду, в которой сегодня функционирует человек в условиях цифровой трансформации экономики:

– нестабильность – быстрые технологические изменения, размывание границ профессий;

– неопределенность – сложность прогнозирования будущих тенденций и требований рынка труда;

– сложность – многофакторное влияние цифровизации на различные сферы жизни человека;

– неоднозначность – неясность последствий внедрения новых технологий для человека.

Поэтому способность человека адаптироваться к VUCA-условиям становится одним из ключевых факторов его успешной реализации в современной цифровой экономике. Это особенно важно учитывать при внедрении новых технологий Индустрии 4.0, а именно Искусственного Интеллекта, автоматизации и роботизации, также технологий больших данных, которые существенно изменяют профессиональные и личностные качества человека.

Системы ИИ способны выполнять многие интеллектуальные операции быстрее и эффективнее человека, такие как анализ финансовой отчетности, юридическая экспертиза документов, медицинская диагностика [2]. Применение данных технологий приводит к сокращению потребности в специалистах, занятых рутинной интеллектуальной работой. По прогнозным данным аналитиков Всемирного экономического форума к 2027 году количество рабочих мест в мире сократится примерно на 14 млн. [4].

Для эффективного взаимодействия с ИИ-системами работникам необходимо освоение новых компетенций, включая понимание принципов работы алгоритмов машинного обучения, умение интерпретировать их выходные данные, а также навыки программирования и настройки ИИ-моделей.

По мере замещения ИИ рутинных интеллектуальных задач, возрастает спрос на работников, обладающих развитыми аналитическими способностями, критическим мышлением и креативностью для решения нестандартных про-

блем. Эти качества становятся ключевыми конкурентными преимуществами человека перед машинами.

Технологии автоматизации и роботизации все активнее внедряются в производственные процессы, замещая человека в выполнении рутинных физических операций, таких как сборка, упаковка, перемещение грузов. Происходит постепенное сокращение потребности в работниках, занятых физическим трудом. Согласно исследованиям факультета экономических наук НИУ ВШЭ роботы заменят только 11,2% россиян потеряют рабочие места, т.к. их заменят роботы [5].

Для работы с роботизированными системами человек должен освоить новые компетенции, связанные с программированием, настройкой, диагностикой и обслуживанием робототехники.

По мере внедрения автоматизированных систем возрастает важность создания эргономичных и безопасных рабочих мест, где человек и машина могут эффективно взаимодействовать. Поэтому у работников будут больше востребованы компетенции в области промышленного дизайна, инженерной психологии и охраны труда.

Технологии сбора, хранения и обработки больших данных генерируют огромные объемы информации, требующей анализа. Для этого будут предъявляться новые требования к работникам в части освоения методов работы с большими данными, включая навыки программирования, статистического анализа и визуализации.

Для эффективного использования больших данных в процессе принятия решений работникам необходимо развивать компетенции в области визуализации данных, создания информативных дашбордов и интерпретации аналитических выводов.

Процессы цифровизации затрагивают не только профессиональные и личностные качества, но также оказывают влияние на духовные и семейные ценности человека.

Развитие технологий виртуальной и дополненной реальности и широкое распространение социальных сетей трансформируют традиционные модели межличностного общения. Люди все больше времени проводят в цифровом пространстве, заменяя живое общение виртуальным, что существенно снижает уровень эмпатии, уменьшает невербальную коммуникацию и качество социальных связей.

Цифровая среда становится ключевым пространством для самовыражения, поиска социальной принадлежности и формирования идентичности, особенно у молодежи. И, как следствие, происходит размывание традиционных институтов социализации (семья, школа, религия) и появляются новые формы идентичности, основанные на виртуальных сообществах.

Избыточное использование цифровых устройств и постоянное нахождение в виртуальном пространстве может негативно сказываться на психическом здоровье человека, вызывая симптомы интернет-зависимости, социальной изоляции и снижения качества реальных социальных связей.

Распространение удаленной работы, дистанционного образования и онлайн-развлечений трансформирует традиционные модели семьи, меняя распределение ролей, функций и времяпрепровождения ее членов. Такое положение может приводить как к укреплению семейных связей, так и к возникновению новых проблем во взаимоотношениях. Как показало исследование МТС, проведенное в 2023 году, «залипание» партнера в смартфоне является существенной про-

блемой для каждой третьей пары россиян, а 0,4% респондентов отметили, что данная проблема стала основной причиной для разрыва семейных отношений [6].

Возможность работать и учиться из дома размывает границы между профессиональной и личной сферами, что требует от всех членов семьи выработки новых стратегий организации быта, распределения обязанностей и проведения совместного времени.

Родители в семье также сталкиваются с новыми вызовами, связанными с необходимостью регулирования использования детьми цифровых устройств, контроля их онлайн-активности и обеспечения безопасности в Интернете (по данным аналитиков 23% родителей хотели бы ограничить время пребывания детей в сети в рамках одного часа, а 19% увеличить это время до трех часов [7]), что требует развития новых компетенций у родителей.

Кроме того, широкое распространение информации, идей и образов в цифровой среде оказывает влияние на мировоззрение, ценностные ориентиры и поиск смысла жизни человека, что может приводить как к обогащению духовной сферы, так и к размыванию традиционных ценностей.

Цифровизация трансформирует роль и функции традиционных институтов, таких как религия и культура. Они вынуждены адаптироваться к новым реалиям, осваивая цифровые каналы коммуникации и формы взаимодействия с аудиторией.

Чрезмерное погружение в цифровую среду, наполненную информационным шумом, может приводить к размыванию духовно-нравственных основ личности и утрате ценностных ориентиров.

Таким образом, цифровизация при-

водит к замещению человека машинами и ИИ-системами в выполнении рутинных производственных и интеллектуальных задач. Поэтому сотрудникам всех сфер экономики и управления необходимо постоянно развивать новые компетенции, связанные с использованием цифровых технологий, аналитикой данных, креативностью и адаптивностью.

Несмотря на стремительное развитие технологий, человеческий фактор остается критически важным ресурсом в условиях цифровой трансформации. Уникальные человеческие качества, такие как креативность, эмоциональный интеллект и способность к обучению, становятся ключевыми конкурентными преимуществами в цифровой экономике.

Технологии Индустрии 4.0 оказывают существенное влияние не только на профессиональные, но и на личностные, семейные и духовные аспекты жизни человека. Трансформация моделей коммуникации, изменение семейных ценностей и размывание традиционных духовных ориентиров требуют от человека постоянной адаптации.

Поэтому для успешной адаптации к изменениям, вызванным цифровизацией, человеку необходимо постоянно осваивать новые знания и навыки и быть готовым к непрерывному обучению и саморазвитию на протяжении всей карьеры.

Работодателям следует внедрять более гибкие модели организации труда, такие как удаленная занятость и проектные формы работы, которые позволяют человеку эффективно сочетать профессиональные и личные обязанности.

Государство и бизнес должны принимать более активные меры по поддержке и развитию человеческого фактора, включая инвестиции в образова-

ние, переподготовку кадров, развитие социальной инфраструктуры и создание благоприятных условий для самореализации работников.

В России ведется активная работа по развитию цифровой экономики: принят ряд нормативно-правовых актов, реализуются национальные проекты и программы, развиваются отечественные ИТ и ИИ технологии и т.д. Однако, несмотря на предпринимаемые со стороны государства усилия по обеспечению цифровизации российской экономики, государственного и муниципального

управления, а также усилению информационной и цифровой безопасности, остаются нерешенными проблемы по адаптации населения страны к проводимым изменениям и открытыми вопросы по влиянию цифровой трансформации на человеческий фактор. Для решения данных проблем и вопросов, связанных с внедрением цифровых и ИИ технологий, необходимо использовать системный и стратегический подходы, объединяющие усилия и согласующие взаимодействие трех заинтересованных сторон: государство, бизнес и население.

Литература

1. Распоряжение Правительства РФ от 16.03.2024 N 637-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления»: КонсультантПлюс. – URL: <https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-16032024-n-637-r-ob-utverzhdanii/?ysclid=lwgi0fvvn6622366549> (дата обращения: 18.05.2024)
2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.04.2024 № 959-р «Стратегическое направление в области цифровой трансформации здравоохранения»: офиц. сайт. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202404190016?ysclid=lwghm92bww517924961> (дата обращения: 17.05.2024)
3. Шантаренкова, М. Предпринимательство в BANI-мире // Управление предприятием. – URL: <https://upr.ru/article/predprinimatelstvo-v-bani-mire-1/#:~:text=Концепцию%20VUCA%20первыми%20сформировали%20американские,психолог%20и%20специалист%20по%20поведению> (дата обращения: 18.05.2024)
4. РБК: информационный сайт – URL: <https://www.rbc.ru/society/01/05/2023/644f30959a7947fc4ec3cab0> (дата обращения: 18.05.2024)
5. РБК: информационный сайт – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/futurology/63da1a639a7947d2e52093a6?from=sору> (дата обращения: 18.05.2024)
6. РБК: информационный сайт – URL: <https://plus.rbc.ru/pressrelease/652906d67a8aa95252bc226b?ysclid=lwgmelr7if47945193> (дата обращения: 18.05.2024).
7. РБК: информационный сайт – URL: <https://www.rbc.ru/society/08/08/2023/64d195b89a794761810eaa79> (дата обращения: 18.05.2024)

УДК 65.011.2

Stepanova O. A.,
applicant of the Kazan Federal University

Степанова О. А.,
соискатель Казанского федерального универ-
ситета

ФОРМАЛИЗАЦИЯ ИНСТРУМЕНТАРИЯ ОЦЕНКИ ИНТЕНСИВНОСТИ ВЛИЯНИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОМПАНИЙ

Аннотация: В статье предложена модифицированная автором экономико-статистическая функция Кобба-Дугласа, позволяющая укрупнено оценить характер влияния интенсивности использования потенциала цифровизации на эффективность финансово-экономической деятельности компании. Рассмотрены различные возможные варианты коэффициента эластичности при факторе интенсивности цифровизации, выделены соответствующие им наиболее рациональные управленческие решения в области цифрового управления развитием фирмы. Систематизированы основные отличия предлагаемой модели от классического варианта производственной функции Кобба-Дугласа.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровизация, цифровое управление, эффективность, фирма, производственная функция, коэффициент эластичности.

Корректная количественная оценка эффективности цифровизации деятельности современных компаний является одной из наиболее значимых проблем экономической науки. Актуальность данной проблемы не вызывает сомнения в связи с тем, что современная экономика становится все более цифровизованной, что в свою очередь приводит к развитию эффективности деятельности компаний, делая их ключевым фактором мировой, а значит и российской экономики. А. Б. Крейг, например, для решения указанной проблемы использует инструментарий дисконтирования денежных потоков [4, с. 79]. Н. И. Абзалов рассматривает возможности применения для оценки эффективности цифровизации производственных фирм инструментария линейной алгебры [2, с. 42]. С. Бланк и Б. Дорф приводят модификацию экспертного подхода к исследованию цифровизации экономических систем [5, с. 131]. По мнению Д. Тапскотта, для

решения рассматриваемой нами проблемы целесообразно включить блок показателей цифровизации в состав сбалансированной системы показателей комплексной оценки финансово-экономической эффективности деятельности компании [6, с. 26].

Теория производства изучает соотношение между количеством применяемых ресурсов и объемом выпуска. Для этого используется производственная функция, которая характеризует максимально возможный объем производства, который может быть получен при использовании данной комбинации ресурсов.

Согласно, классического варианта производственной функции Кобба-Дугласа, производственная функция (или функция полезности), отражает зависимость объема производства Q от создающих его факторов производства – затрат труда L и капитала K [1, с. 139].

Теория производства была предло-

жена Кнотом Викселлем. В 1928 году Чарльз Кобб и Пол Дуглас на статистических данных в работе «Теория производства» эмпирическим путём попытались определить влияние затрачиваемого капитала и труда на объём выпускаемой продукции в обрабатывающей промышленности США.

Классический вид функции:

$$Q = A * L^a * K^b, \quad (1)$$

где A – технологический коэффициент;

L^a – коэффициент эластичности по труду;

K^b – коэффициент эластичности по капиталу.

Если сумма показателей степени ($a + b$) равна единице, то функция Кобба-Дугласа является линейно однородной, то есть она демонстрирует постоянную отдачу при изменении масштабов производства. Если сумма показателей степени больше единицы, функция отражает возрастающую отдачу, а если она меньше единицы, – убывающую. Изокванта, соответствующая функции Кобба-Дугласа, будет выпуклой и «гладкой».

Для развития методического инструментария количественного анализа процессов цифровизации деятельности компаний мною предлагается следующая многофакторная экономико-статистическая модель, представляющая собой модификацию классической производственной функции Кобба-Дугласа.

$$E = a_0 * K^{a_1} * L^{a_2} * IC^{a_3}, \quad (2)$$

где E – финансово-экономическая эффективность развития компании, например, по показателю рентабельности активов;

K – остаточная стоимость основных

фондов компании;

L – численность персонала компании, включая специалистов, привлекаемых на условиях удаленной и проектной занятости;

IC – суммарные текущие и капитальные затраты на цели цифровизации производства и управления компанией;

a_1, a_2, a_3 – коэффициенты эластичности при факторных переменных предлагаемой экономико-статистической модели;

a_0 – свободный коэффициент предлагаемой экономико-статистической функции.

При этом в состав затрат на цели цифровизации деятельности компании (факторная переменная IC) входят следующие основные элементы [3, с.59]:

– расходы на приобретение и последующее использование нематериальных активов, связанных с процессами цифровизации операционной и управленческой деятельности организации (программных продуктов, включая ERP-системы менеджмента, франшиз цифрового характера, лицензий и патентов на использование цифровых активов и т.п.);

– затраты на содержание IT-подразделений компании, их техническое сопровождение, оплату труда специалистов и прочие аналогичные статьи расходов;

– расходы на повышение квалификации персонала организации в области цифрового управления;

– инвестиции в развитие технологий SEO-менеджмента и SMM-маркетинга организации;

– расходы на привлечение услуг виртуальных консультантов по различным вопросам совершенствования организации производства и управления компанией;

– инвестиции в криптоактивы;

– инвестиции в приобретение акций, долей в виртуальных компаниях и стартапах и т.п.

Эффективность развития процессов цифровизации деятельности конкретной компании может быть укрупнено определена на основании анализа коэффициента эластичности при переменной

ISпредлагаемой многофакторной экономико-статистической модели. Возможные варианты изменения данного коэффициента и соответствующие предпочтительные направления совершенствования системы управления цифровизацией деятельности компании приведены в таблице 1.

Таблица 1 – Возможные направления совершенствования управления цифровизацией деятельности компании, которые могут быть определены на основании апробации предлагаемой экономико-статистической модели

Диапазон изменения коэффициента эластичности при переменной ISмодели	Состояние процесса управления цифровизацией деятельности компании	Рациональные направления совершенствования управления цифровизацией
$a_3 > 1$	Процесс управления цифровизацией деятельности организацией является достаточно эффективным	Сохранение существующей системы управления цифровизацией компании, ее “точечная” корректировка в соответствии с тенденциями изменения виртуальных рынков, формированием и развитием новых модификаций ERP-систем менеджмента и т.п.
$0 \leq a_3 \leq 1$	Процесс управления цифровизацией не вполне удовлетворителен, инвестиции в цифровизацию характеризуются отсутствием положительного маржинального эффекта	Существенная модификация целей, приоритетов и механизмов управления цифровизацией развития компании в направлении повышения эластичности влияния вложений в цифровизацию на обеспечение эффективности функционирования субъекта хозяйствования.
$a_3 < 0$	Система управления цифровизацией организации является крайне неэффективной, инвестиции в развитие процессов цифровизации не имеют значимого финансово-экономического эффекта.	Качественная реорганизация системы управления цифровыми процессами, полная модернизация цифровых платформ и технологий, используемых в деятельности компании

Таким образом, как показано в таблице 1, наиболее предпочтительной является ситуация, при которой имеет место прямое и эластичное влияние суммарных расходов на цели цифровизации деятельности организации на обеспече-

ние динамики финансово-экономической эффективности ее развития (по показателю рентабельности активов). В данном случае присутствует положительный маржинальный эффект влияния инвестиций в цифровизацию на

рост финансовой результативности деятельности компании.

В то же время наименее эффективной в парадигме предлагаемой нами экономико-статистической модели является ситуация, при которой имеет место отрицательное влияние затрат на цели цифровизации на динамику рентабельности активов субъекта хозяйствования. В данном случае это означает крайне нерезультативное расходование ограниченных финансовых ресурсов на цели развития ERP-системы менеджмента, обеспечение процессов интеграции компании с виртуальными рынками, осуществление иных направлений цифровизации деятельности.

В целом, основными отличиями предлагаемой экономико-статистической многофакторной модели от класси-

ческой производственной функции Кобба-Дугласа являются:

- включение в состав факторных переменных затрат на цифровизацию деятельности компании (IC);

- использование в качестве результативной переменной модели не показателя выпуска продукции организации (который применяется в классической модификации функции Кобба-Дугласа), а критерия рентабельности активов, более репрезентативно отражающего эффективность хозяйственной деятельности организации;

- использование в качестве факторной переменной (K) показателя остаточной, а не первоначальной стоимости основных фондов, как это имеет место в рамках некоторых модификаций производственной функции Кобба-Дугласа.

Литература

1. Cobb, C. W.; Douglas, P. H. A Theory of Production// American Economic Review, 1928. – 139–165p.
2. Абзалов Н.И. Направления цифровизации деятельности компаний // Вопросы экономики и менеджмента. – 2023. - №3. – С.39-43.
3. Менеджмент в цифровой экономике: учебное пособие / Г.И. Курчеева, А.А. Алетдин, Г.А. Клочков. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2018. – 136 с.
4. Crage A.B. The methods of digital transformation. Wash.: ABC-press, 2021. – 164p.
5. Blank S., Dorf B. The startup owners manual. – Boston: K&S Ranch, 2014. – 573p.
6. Tapskott D. The digital economy. NY., 2022. – 452 p.

ANNOTATIONS

**KHUBIEV K. A.
BATCHAEV M. Kh.-K.
AIDINOVA D. Kh.-M.**

ECONOMIC DEVELOPMENT OF RUSSIA IN MODERN CONDITIONS

Abstract: The article discusses the issues related to the economic policy of the Russian government, which has a direct impact on the development of the country both in the short and long term. Special attention is paid to the analysis of the sources and dynamics of capital investments as a key factor in economic growth, and the effectiveness of monetary and fiscal policy as the main instruments of economic policy. The need to formulate a new (original) model of economic growth based on the "self-reliance" strategy is emphasized, in which an increased attention should be paid to technological breakthrough, energy and food security, as well as import substitution in the key sectors of the economy.

Keywords: GDP, economic policy, growth factors, investments, monetary policy, fiscal policy.

MAKAROV A. N.

ON THE SYSTEMIC APPROACH TO THE ECONOMIC IMPLEMENTATION OF LAND OWNERSHIP IN THE CONTEXT OF THREATS AND CHALLENGES

Abstract: Challenges and threats of reforming land ownership of agricultural lands are considered. Significant miscalculations in justifying strategic directions and practical solutions due to the fragmentary economic implementation of land ownership are shown. Scientifically based recommendations for adjusting land reform in Russia based on a systemic approach are provided.

Keywords: land ownership, systemic approach, fragmentation, economic power, law, subjects of land ownership, holdings, speculation, latifundism, possession, titular owner.

TODOSIYCHUK A. V.

FORMATION AND IMPLEMENTATION OF THE STATE POLICY IN THE FIELD OF SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT

Abstract. The article examines the issues of the development of the scientific and technological sphere of the Russian Federation, the assessment of the compliance of scientific, technical and innovative potential, the socio-economic policy in the field of science, technology and innovation, the possibilities of achieving strategic goals of scientific and technological development. The results of a comparative statistical analysis of the effectiveness of scientific, scientific, technical and innovative activities of the Russian Federation and developed countries of the world, the main strategic documents in the field of scientific and technological development are presented. Recommendations have been developed to improve the state policy in the field of scientific and technological development, the formation of an effective economic mechanism capable of providing favorable conditions for

the development of innovative business, activating the processes of development, development and production of innovative products (goods, works, services).

Keywords: science, technology, innovation, economic growth, strategy, intellectual capital, projects and programs, scientific diplomacy.

NAZMIEV E. F.

ECONOMIC SOLIDARITY: APPROACHES TO THE FORMATION OF THE MECHANISM OF FUNCTIONING

Annotation: The Russian Constitution contains norms on economic, political and social solidarity, which can become the basis for building a socially oriented mechanism for the functioning of the domestic economy. The widespread spread of "people's enterprises" and the stimulation of their activities can become the main institution of the economy of solidarity

Keywords: economic solidarity, solidarism, national enterprises, economic mechanism, economic mechanism, state regulation, coordination of interests

BALGINOVA K. M.
SHAKIBAYEV M. K.

ISSUES OF URBAN AGGLOMERATIONS DEVELOPMENT: THE EXPERIENCE OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN AND KAZAKHSTAN

Abstract: The article describes the issues of development of urban agglomerations and their impact on the development of the region. The scientific article gives information about the experience of forming the structure of agglomerations in the Republic of Tatarstan and Kazakhstan. The article also identified aspects that determine both positive agglomeration effects and risks in the development of urbanized areas.

Key words: strategy, city, metropolis competitiveness, infrastructure, urbanization, effect, territory, agglomeration, population, development, complex.

POPOVA A. G.

FEATURES OF THE FORMATION OF THE WORLD AND DOMESTIC MARKET FOR COMPRESSED NATURAL GAS AS MOTOR FUEL

Abstract. The article reflects various aspects of the transition of road transport from traditional fuel to compressed natural gas. A historical analysis of this process is given. The results of a bibliometric analysis of the concept of "compressed natural gas as alternative fuels" are presented, which demonstrate the thematic and geographical landscapes of research, realities and prospects for the use of natural gas as a fuel for road transport. It is concluded that the success of the introduction of compressed natural gas directly depends on the scale of support from the state and private entrepreneurship. It is emphasized that currently the environmental component of the use of new motor fuels is becoming no less important than the economic benefits. Therefore, the transition to compressed natural gas for refueling personal, freight and public transport can be considered as an effective measure to reduce greenhouse gas emissions and improve air quality.

Keywords. Natural gas motor fuel, compressed natural gas, filling station, reduction of carbon dioxide emissions, ecology.

IMAMUTDINOVA S. M.

**THE IMPACT OF DIGITALIZATION ON THE HUMAN ROLE IN THE
MODERN ECONOMY**

Abstract: currently, there is a rapid development of digital technologies that radically transform the economic environment and change the role of man in it. In the context of digital transformation, the need for human adaptation to new challenges is increasing, as well as the study of the impact of digitalization on professional, personal, spiritual and family aspects of the human factor. The study of these processes is of great theoretical and practical importance for improving personnel management systems, improving the efficiency of public and municipal management, as well as developing strategies for the development of human resources in the digital economy.

Keywords: digital economy, human factor, digitalization, professional and personal qualities, spiritual and family values, state and municipal management, Artificial Intelligence.

STEPANOVA O. A.

**FORMALIZATION OF TOOLS FOR ASSESSING THE INTENSITY OF THE
IMPACT OF DIGITALIZATION ON THE EFFICIENCY OF COMPANIES**

Abstract: The article proposes the Cobb-Douglas economic-statistical function modified by the author, which allows to comprehensively assess the nature of the impact of the intensity of the use of the digitalization potential on the efficiency of the company's financial and economic activities. Various possible variants of the elasticity coefficient with the digitalization intensity factor are considered, the most rational management decisions in the field of digital management of the company's development are highlighted. The main differences of the proposed model from the classical version of the Cobb-Douglas production function are systematized.

Keywords: digital economy, digitalization, digital management, efficiency, firm, production function, elasticity coefficient.

Региональный экономический журнал

Учредитель: Казанский (Приволжский) федеральный университет

Свидетельство ПИ №ФС77-33445, от 08.10.2008

ISSN 2075-9851

Периодичность издания 2 раза в год: **июнь, декабрь**

Индекс 70645. Цена подписки на год 1700 руб.

Адрес редакции: 483812, Республика Татарстан, г. Набережные Челны, пр. Мира 68/19,
Набережночелнинский институт Казанского (Приволжского) федерального университета

Содержание разделов

1. Вопросы экономической теории
2. Актуальные проблемы региональной экономики и управления
3. Экономика и право
4. Региональная политика и макроэкономика
5. Инновационное развитие
6. Социально-экономические институты
7. Формирование экономической конъюнктуры региона и отраслевых рынков
8. Теория и практика отношений собственности и землепользования
9. Социально-экономическая история региона
10. Экономическое образование
11. Геостратегия и геоэкономика
12. Экономика регионов мира
13. Научная жизнь (критика и библиография, обсуждение монографий, рецензии)

Правила для авторов

Статьи, направляемые в редакцию, должны иметь **рецензию**. К рукописи прилагается краткая аннотация (4-6 предложений), ключевые слова (10-14 слов) на русском и английском языке, название также на двух языках. Сведения об авторе с указанием ученой степени, ученого звания, должности, организации и города на русском и английском языке. В пакет документов вкладывается заявление автора на имя главного редактора с предложением принять статью к публикации в очередном номере журнала и согласие на размещение ее на открытом (или закрытом) доступе сайта E-Library и формирования рейтинга РИНЦ.

Структура текста

– фамилия И.О. автора(ов) с указанием ученой степени, ученого звания, должности, организации и города – 14 шрифтом, строчными буквами, в правом верхнем углу.

– название статьи – 14 шрифтом, заглавными буквами, по центру.

– аннотация, ключевые слова (на русском и английском)

Набор текста

Текст должен быть набран в программе Word (*.doc), шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14, отступ – 1,5 см, все поля – 2,5 см, междустрочный интервал – полуторный.

Страницы не нумеруются. Переносы в словах не допускаются. Ссылки на список литературы обязательны. **Желательно наличие рисунков, таблиц, формул.**

Все схемы, таблицы, рисунки и графики не могут быть шире размеров текстового поля и должны быть подписаны. Подрисуночные подписи выполняются шрифтом 10 и вставляются в рисунок в режиме “вставка”.

Формулы должны быть набраны в режиме редактора формул Microsoft Equation, шрифт Times New Roman. Основной размер символов формул 12. Формулы располагаются по центру, нумеруются с правого края.

Рукопись статьи представляется в объеме от 9 до 18 страниц. Обязателен электронный вариант. Материалы в электронном виде могут быть направлены по адресу regioneconom@yandex.ru.

Публикации в журнале **бесплатны**.

Справки по тел. (8552)39-66-12.

Перепечатка материалов журнала «Региональный экономический журнал» невозможна без письменного разрешения редакции. При цитировании ссылка на «Региональный экономический журнал» обязательна.

Материалы, отмеченные знаком “Реклама”, публикуются на правах рекламы. Редакция не несет ответственность за достоверность информации, опубликованной в рекламных материалах.

Научное издание

Региональный экономический журнал

*Научный журнал по экономике
Выпуск 1 (36)*

Редактор **Г. Ф. Таипова**
Компьютерная вёрстка **А. В. Чухно**
Дизайн обложки **А. В. Чухно**

Дата выхода в свет 24.06.2024 г.
Формат 60×84/8. Бумага офсетная. Печать ризографическая.
Уч.-изд. 4,7 л. Усл.-печ. 10 л. Тираж 300 экз.
Заказ № 1784-550

Цена свободная

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре
Набережночелнинского института
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
г. Набережные Челны

423810, г. Набережные Челны, Новый город, проспект Мира, 68/19
тел./факс (8552)39-65-99 e-mail:ic-nchi-kpfu@mail.ru